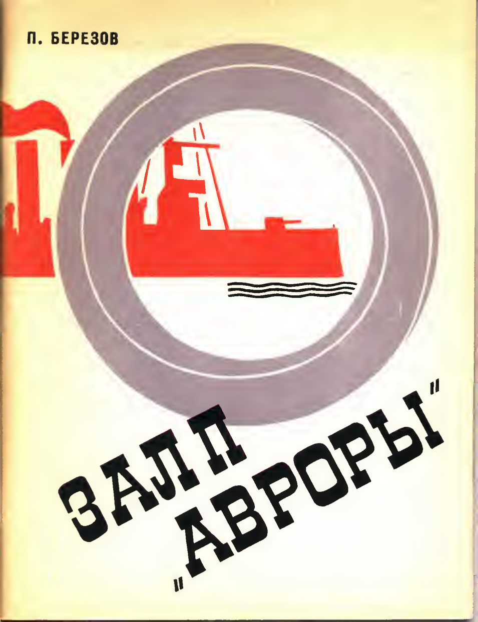

П. БЕРЕЗОВ
ЗАЛП „АВРОРЫ"

Вечером 25 октября 1917 года выстрел крейсера **«Аврора»** послужил сигналом к штурму Зимнего дворца, в котором укрылось контрреволюционное Временное правительство. Была свергнута власть капиталистов и установлена рабоче-крестьянская, Советская власть.

Этому важнейшему событию в истории человечества и посвящена настоящая брошюра. Ее автор — писатель Павел Иванович Березов, живо, с привлечением документальных и мемуарных материалов рассказывает об огромной организующей и руководящей роли Коммунистической партии в подготовке и проведении вооруженного восстания в Петрограде, о беспримерном героизме народных масс, восставших против векового гнета, о боевых операциях по захвату опорных пунктов контрреволюции, о штурме Зимнего дворца, об аресте Временного правительства.

В центре повествования — **Владимир Ильич Ленин, гениальный стратег Великой Октябрьской социалистической революции.**

Издательство
политической
литературы
Москва · 1967



П. Березов

ЗАЛП „АВРОРЫ"

Издание второе, исправленное

Как авангард революционных рабочих и солдат, как авангард трудящихся масс России и всего мира, петроградские рабочие первые свергли власть буржуазии и подняли знамя пролетарской революции против капитализма и империализма.

В. И. ЛЕНИН

1—6—4
104—67

«ПРОМЕДЛЕНИЕ СМЕРТИ ПОДОБНО»

Это было под вечер 10 октября 1917 года[1]. Сгущались осенние, ранние сумерки. Над Петроградом нависла сплошная облачность, и оттого становилось еще темнее.

На трамвайной остановке в конце Большого Сампсониевского проспекта (теперь проспект К. Маркса) из вагона вышел высокий, худощавый мужчина. Это был Эйно Рахья — рабочий-финн, связной Центрального Комитета большевистской партии.

Рахья выполнял задание ЦК: ему поручили сопровождать Владимира Ильича Ленина на заседание ЦК партии, которое должно было состояться в тот вечер.

Выждав немного и убедившись, что за ним никто не следит, Рахья свернул налево, на Сердобольскую улицу, и направился к угловому красно-кирпичному четырехэтажному дому. Здесь, в квартире большевички Маргариты Васильевны Фофановой, временно поселился Владимир Ильич, вынужденный скрываться от шпиков контрреволюционного правительства.

На неосвещенной площадке Рахья дважды постучал в дверь, а затем позвонил: таков был условный сигнал о приходе связного.

Дверь открыла Маргарита Васильевна.

— Проходите, товарищ Рахья,— приветливо пригласила она.— «Константин Петрович» ожидает вас...

Рахья знал, что «Константин Петрович» — подпольная кличка Ленина. Владимир Ильич требовал, чтобы его называли так даже дома.

[1] Все даты в этой брошюре даны по старому стилю.

У В. И. Ленина имелось удостоверение на имя Константина Петровича Иванова, рабочего Сестрорецкого оружейного завода. Удостоверение как удостоверение: на фотокарточке Владимир Ильич был бритый, без бороды и усов, в рабочей кепке, из-под которой виднелись волосы парика, наполовину прикрывавшие высокий, огромный лоб Ильича. От этого его лицо казалось моложе.

В таком же загримированном виде застал его Рахья и теперь: даже в домашней обстановке, в кругу своих Ленин не снимал парика.

Владимир Ильич обрадовался Рахья.

Накинув легкое пальто, тщательно поправив парик и надев старенькую кепку, Владимир Ильич вместе с Рахья вышел из квартиры.

На улице было зябко, промозгло, с юго-востока дул резкий ветер. Свернув с Сердобольской улицы на Большой Сампсониевский проспект, Ленин и Рахья ускорили шаги. Им предстоял опасный и далекий путь — на Петроградскую сторону. Там, на набережной речки Карповки, в квартире большевички Г. К. Сухановой, члены ЦК партии, по просьбе В. И. Ленина, решили собраться, чтобы обсудить вопрос о вооруженном восстании против правительства капиталистов и помещиков.

Шли молча, в небольшом отдалении друг от друга.

В. И. Ленин был очень взволнован. Вспоминались минувшие события этого года, как менялась политическая обстановка в стране, а в связи с этим и тактика революционной борьбы...

После Февральской революции создалась возможность мирного перехода всей власти к Советам. Однако эсеры и меньшевики не только не содействовали мир-

ному развитию революции, но и помогли буржуазному Временному правительству в июле 1917 года расстрелять мирную демонстрацию петроградских рабочих и солдат, шедших под лозунгом «Вся власть Советам!».

Выполняя решение VI съезда, партия большевиков готовила массы к вооруженному восстанию. По всей стране в Советах, профсоюзах и фабрично-заводских комитетах большевики постепенно расширяли свое влияние и завоевывали руководство. Крестьянские массы тоже освобождались от эсеровского дурмана и переходили на сторону большевиков. Армия и флот все решительнее выступали против Временного правительства, требуя прекращения кровавой бойни и заключения мира. Всюду создавались и крепли большевистски настроенные отряды Красной гвардии.

И вот теперь, к октябрю, определился решающий перевес революционных сил над контрреволюционными. Успех вооруженного восстания против Временного правительства был обеспечен. Настала пора действовать. Откладывать нельзя. «Промедление смерти подобно»,— предупреждал В. И. Ленин партию 8 октября в «Письме к большевикам»...

Пройдя по Большому Сампсониевскому проспекту до Малого Сампсониевского переулка (теперь улица Братства), Ленин и Рахья спустились на Гренадерский мост и вышли на набережную Карповки.

В пути приходилось соблюдать особую осторожность. Юнкерские патрули пристально вглядывались в прохожих. И все же на улицах кипели политические страсти. Слышались откровенные разговоры, жаркие споры, насмешки и ругань по адресу Керенского:

— Тоже «главноуговаривающий»! Нашел дураков за капиталистов умирать!..

В то время Керенский не только возглавлял Временное правительство, но и был верховным главнокомандующим русской армии. Народ же прозвал его «главноуговаривающим» за то, что он усердно призывал солдат сражаться на фронте.

— Ну ты, большевик! Помалкивай! А то накостыляю!..

— А что большевики?! Они правду говорят. Без власти Советов не будет конца войне...

Иногда упоминали Ленина:

— Слышь, Ленин вернулся в Петроград...

— Пора, в самый срок... Ведь больше терпеть нельзя...

Владимир Ильич прислушивался и удовлетворенно переглядывался с Рахья.

Но вот и огромный дом, на первом этаже которого квартира Сухановой.

Эта квартира была очень удобна для тайных, подпольных собраний. В нее можно было пройти и с парадного входа, и с «черного», со двора. А во двор можно было проникнуть не только через ворота, но и через три разных парадных входа этого дома. Так и поступили участники собрания, чтобы швейцары не могли заметить наплыва незнакомых людей.

Удобной была и комната, где проходило заседание: от соседних квартир ее отделяли с одной стороны кухня, с другой — кабинет, а со стороны улицы — гостиная. Единственное окно в комнате выходило во двор. (Его завесили темным одеялом.)

Когда в комнату вошел В. И. Ленин, все участники заседания — члены ЦК партии — были в сборе.

Не все сразу узнали Владимира Ильича в его гриме. Но узнав, радостно зашумели. К Владимиру Ильичу потянулись дружеские руки. Крепкие рукопожатия!

Сердечные слова приветствия! Ведь более трех месяцев длилась разлука после того, как Ленин был вынужден уйти в глубокое подполье! Друзья-соратники радовались, что вождь партии избежал опасности, уцелел, что он теперь среди них, с ними...

Началось заседание. Председательствовал Яков Михайлович Свердлов. После его краткого сообщения о положении на фронте с докладом о текущем моменте выступил В. И. Ленин. Он подчеркнул, что пора переходить к решительным действиям, поставить вопрос о вооруженном восстании на очередь дня для всей партии.

— Политическая обстановка, таким образом, готова,— убеждал В. И. Ленин [1].

С каждой фразой голос Ленина крепчал. В сильном возбуждении Владимир Ильич то шагал взад и вперед, то останавливался посреди комнаты, заложив большие пальцы рук за проймы жилета.

Ленин знал, что не все будут согласны с ним, что против него могут выступить паникеры, сторонники

---

[1] «Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б)». М., 1958, стр. 85. Высказывания В. И. Ленина, а также различные эпизоды и факты, изложенные в этой брошюре, исторически достоверны, основаны на документальных и мемуарных материалах: *Н. К. Крупская.* Воспоминания о Ленине (М., 1957); «Ленин — вождь Октября. Воспоминания петроградских рабочих» (Л., 1956); «Великая Октябрьская социалистическая революция. Сборник воспоминаний» (М., 1957); «Ленин в Октябре. Воспоминания» (М., 1957); «Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. Воспоминания активных участников революции» (Л., 1956); «Рассказывают участники Великого Октября» (М., 1957); «Великая Октябрьская социалистическая революция. Документы и материалы» (1962); «Великий Октябрь. Сборник документов» (М., 1964); «Ленин и Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде» (М., 1964) и др.

всяких отсрочек восстания. Ведь уже не раз Каменев, Зиновьев, Троцкий выступали против решений партии.

Так, Каменев, привлеченный в феврале 1915 года вместе с другими большевиками к суду, отрекся от большевистского лозунга о поражении царского правительства в империалистической войне. В марте 1917 года он высказался за продолжение этой войны и фактически стал сторонником Временного правительства. В апреле яростно возражал против ленинских тезисов о перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую и отрицал возможность победы социализма в одной России. Продолжая борьбу против социалистической революции, Каменев в сентябре вновь выступал против В. И. Ленина, настаивал на уничтожении его руководящих писем, в которых вождь партии призывал большевиков к организации вооруженного восстания.

Так же предательски выступали в прошлом против партии Зиновьев и Троцкий.

Можно было ожидать, что они и теперь будут против вооруженного восстания, будут настаивать на его отсрочке до Учредительного собрания.

Предвидя это, Ленин твердо заявил:

— Ждать до Учредительного собрания, которое явно будет не с нами, бессмысленно, ибо это значит усложнять нашу задачу.

Начались прения. Ленина поддержали Свердлов, Ломов, Урицкий.

Каменев и Зиновьев высказались против вооруженного восстания.

— Мы никогда не говорили, что русский рабочий класс один собственными силами способен победоносно завершить нынешнюю революцию,— заявил Зино-

вьев.— Мы должны теперь ограничиться оборонительной позицией.

— Шансы нашей партии на выборах в Учредительное собрание превосходны,— увещевал Каменев.— При правильной тактике мы можем получить треть, а то и больше мест в Учредительном собрании.

Особое мнение было и у Троцкого. Он предложил отложить восстание до II Всероссийского съезда Советов. А это было в интересах контрреволюционного правительства: оно намеревалось к этому времени сосредоточить в Петрограде казачьи полки для подавления восстания.

Но капитулянтам не удалось склонить на свою сторону других членов Центрального Комитета партии. Была принята ленинская резолюция. Она стала директивой партии — готовить вооруженное восстание в ближайшие дни. Для политического руководства восстанием было создано Политбюро ЦК во главе с В. И. Лениным.

Бессильные сорвать принятие ленинской резолюции, Каменев и Зиновьев попытались помешать ее осуществлению. Они написали пространное заявление «К текущему моменту», в котором упорно оспаривали решение ЦК партии о восстании. Это заявление Зиновьев и Каменев просили приложить к протоколу заседания ЦК, предупредив при этом, что они «считают своим долгом познакомить Петроградский комитет, Московский областной комитет и Областной Финляндский комитет с этим заявлением».

Центральный Комитет партии в корне пресек эти козни Каменева и Зиновьева против партии.

Вечером 16 октября вновь состоялось заседание Центрального Комитета партии. На этот раз в расширенном составе. Кроме членов ЦК на заседание были

вызваны представители Петроградского городского комитета и Петроградского окружного комитета партии, а также Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, профессиональных союзов, фабрично-заводских комитетов, железнодорожников и Военки (Военной организации при Центральном Комитете и Петроградском комитете партии). Нужно было с участием этих представителей еще раз обсудить вопрос о вооруженном восстании, убедить сомневавшихся и колебавшихся, окончательно разоблачить предателей революции, призвать партию ускорить подготовку к решительной схватке.

Собрались в Выборгском районе, в помещении Лесновской подрайонной управы, председателем которой был в то время М. И. Калинин.

Председательствовал и на этом заседании Свердлов.

С докладом о прошлом заседании ЦК партии выступил В. И. Ленин. Он ознакомил собравшихся с принятой резолюцией. Его голос звучал спокойно, сдержанно. Но когда он говорил о Каменеве и Зиновьеве, об их антипартийных выпадах против ЦК, речь становилась резкой, гневной. Ленин беспощадно разоблачал и едко высмеивал паникерство предателей революции, оторвавшихся от масс. Владимир Ильич твердо заявил:

— Массы идут за нами.

В доказательство он сослался на выборы в Петрограде и Москве, где большевики одержали внушительную победу. Заканчивая доклад, Ленин сказал:

— Из политического анализа классовой борьбы и в России и в Европе вытекает необходимость самой решительной, самой активной политики, которая может быть только вооруженным восстанием.

Владимира Ильича слушали с нараставшим внима-

нием, затаив дыхание. А когда он замолк, в комнате наступила тишина. Лишь слышно было, как по стеклам стучали крупные дождевые капли да в саду скрипели сучья деревьев.

Затем один за другим начали высказываться представители разных организаций. Красноречивыми фактами они подкрепляли доклад вождя партии, убедительно доказывали, что рабочие, солдаты и матросы готовы выступить с оружием в руках по первому призыву партии большевиков.

И все же, вопреки этому единодушному мнению, маловеры и на этом заседании продолжали возражать против вооруженного восстания.

— Мы не имеем права рисковать, ставить на карту все,— настаивал Зиновьев.— Должна быть оборонительно-выжидательная тактика... Нужно пересмотреть резолюцию ЦК.

Ему вторил Каменев:

— Мы недостаточно сильны, чтобы с уверенностью в победе идти на восстание...

Эту жалкую аргументацию струсивших капитулянтов революции решительно опроверг В. И. Ленин. Ему пришлось дважды отбивать ожесточенные атаки Каменева и Зиновьева. Ленинскую позицию без колебаний поддержали Дзержинский, Калинин, Свердлов и др.

Девятнадцатью голосами против двух при четырех воздержавшихся была одобрена и принята резолюция, предложенная В. И. Лениным. В ней собрание призвало «все организации и всех рабочих и солдат к всесторонней и усиленнейшей подготовке вооруженного восстания» и выразило уверенность в том, что Центральный Комитет партии и Петроградский Совет «своевременно укажут благоприятный момент и целесообразные способы наступления».

Вопрос о вооруженном восстании партия большевиков решила окончательно, несмотря на яростное сопротивление Каменева и Зиновьева.

На заседании 16 октября ЦК принял постановление организовать Военно-революционный центр.

...Уже было около семи часов утра, когда участники заседания стали расходиться.

Владимир Ильич благополучно возвратился к себе, на Сердобольскую улицу, где он жил, скрываясь, до 24 октября.

ИСКУССТВО ВОССТАНИЯ

Гениальный стратег социалистической революции В. И. Ленин не только доказал необходимость вооруженного восстания, но и всесторонне разработал его план. Свои мысли об этом плане он изложил и сообщил Центральному Комитету партии в своих сентябрьских и октябрьских письмах («Большевики должны взять власть», «Марксизм и восстание», «Письмо в ЦК, МК, ПК и членам Советов Питера и Москвы большевикам», «Советы постороннего»).

В. И. Ленин считал, что вооруженное восстание, как и война, есть искусство. Чтобы добиться победы, необходимо овладеть этим искусством.

Ленин учил, что восстание должно опираться не на заговор партии, а на революционный подъем народа. Лишь при условии значительного перевеса революционных сил над силами контрреволюции возможен верный успех.

Такой перевес к тому времени особенно определился в Петрограде, а потому именно здесь и следовало

начинать восстание. Город первых двух русских революций (революции 1905 года и Февральской буржуазно-демократической революции 1917 года) должен был стать колыбелью третьей, социалистической революции, главной ареной, на которой должна произойти решительная схватка революционных и контрреволюционных сил. Историческую роль должен был сыграть питерский пролетариат, авангард всего рабочего класса России, наиболее сознательный политически, наиболее организованный и закаленный в классовой борьбе. Решающее значение имела петроградская большевистская организация, самая крепкая по революционному закалу и самая крупная по количеству ее членов: в октябре в ней насчитывалось около пятидесяти тысяч большевиков, или восьмая часть всего личного состава партии. Наконец, Петроград был важен и как столица русского государства: к победившей столице потом с успехом могла присоединиться и вся революционная Россия.

В. И. Ленин считал, что на стороне революции в Петрограде три главные, решающие силы: питерский пролетариат, гарнизон столицы и, наконец, Балтийский флот, корабли которого стояли отчасти на Неве, преимущественно же в близлежащих портах Балтийского моря.

На петроградских заводах и фабриках насчитывалось около восьмисот тысяч рабочих. Эта огромная армия была готова следовать за большевиками. Лишь небольшие группки наименее сознательных рабочих еще не освободились от влияния эсеров и меньшевиков. Но эти рабочие были пассивны, держались выжидательно и во всяком случае не выражали желания с оружием в руках стать на защиту буржуазного правительства. Очень показательно, что в распоряжение

революции петроградские заводы и фабрики выставили свыше двадцати трех тысяч красногвардейцев, хорошо вооруженных, большевистски настроенных, готовых пожертвовать всем ради победы пролетарской революции, а Временное правительство не смогло привлечь под свои контрреволюционные знамена ни одного вооруженного рабочего.

Вместе с красногвардейцами против Временного правительства было готово выступить подавляющее большинство солдат петроградского гарнизона (а в нем насчитывалось свыше двухсот сорока тысяч бойцов). Почти все воинские части столицы находились под большевистским влиянием. Даже те из них, которые считались сторонниками Временного правительства, колебались и вряд ли рвались в бой за него. Контрреволюция могла опереться лишь на юнкеров военных училищ.

На стороне пролетарской революции была и третья из главных сил — матросы Балтики. А эта сила была не малая: в Балтфлоте 690 боевых и вспомогательных кораблей и свыше ста тысяч матросов. Матросы Балтики целиком доверяли большевистскому Центробалту (Центральному комитету Балтийского флота), во главе которого стояли большевики П. Е. Дыбенко, Ф. С. Аверичкин, Н. Ф. Измайлов и др.

Ленинский план вооруженного восстания предполагал участие в нем также солдат гарнизонов, расположенных вокруг столицы. В. И. Ленин советовал «собрать точнейшие сведения о составе и расположении войск под Питером». А эти войска, как показал съезд Советов Северной области, тоже были большевистски настроены.

Съезд открылся 11 октября в Петрограде и работал три дня. Большевики имели на съезде большинство:

их было 51 из 94 делегатов — представителей двадцати городов (Москвы, Новгорода, Архангельска, Кронштадта, Выборга, Гельсингфорса и др.).

Придавая огромное значение съезду, В. И. Ленин направил его делегатам-большевикам письмо. Руководствуясь ленинскими указаниями, большевики добились того, что съезд единогласно, при трех воздержавшихся, утвердил большевистскую резолюцию:

«Спасти народ может только немедленный переход всей власти в руки органов революции — Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов — в центре и на местах... На стороне Советов не только право, но и сила. Время слов прошло».

Тот факт, что революционная столица была окружена городами, большевистские Советы и гарнизоны которых готовы были оказать ей поддержку, значительно облегчал боевую задачу вооруженного восстания в столице. Таким образом, было ясно, что Петроград находится в центре обширной зоны большевизма, через которую контрреволюция не сможет пробраться к сердцу и мозгу пролетарской, социалистической революции.

В ленинском плане вооруженного восстания была определена не только стратегическая расстановка решающих сил революции, но и тактика уличных боев в Петрограде. В. И. Ленин предлагал начать с захвата главных опорных пунктов Временного правительства. И «в первую голову» мостов через Неву, так как они имели особо важное значение. Мосты соединяли рабочие районы с центром столицы. Завладев мостами, можно направлять красногвардейские отряды с рабочих окраин для захвата других важных опорных пунктов, расположенных в центре города. Оставить же мосты за Временным правительством означало отрезать

рабочие районы от центра, воспрепятствовать участию отрядов Красной гвардии в вооруженной борьбе.

Большое значение придавал В. И. Ленин захвату телефонной станции и телеграфа: без них нельзя успешно вести боевые операции в городе, нельзя держать связь со всей страной.

Важно захватить и другие объекты: здания военных училищ — чтобы юнкера не смогли выступить на помощь Временному правительству; вокзалы — чтобы воспрепятствовать контрреволюционным войскам, если бы им удалось прорваться с фронта к столице; типографии — чтобы печатать в них большевистские газеты и листовки — могучее оружие в борьбе.

Для захвата всех этих важных объектов В. И. Ленин предлагал сформировать особые отряды из наиболее отважных красногвардейцев и матросов, готовых пожертвовать всем ради победы революции.

Восстание должно быть решительным и стремительным: «оборона есть смерть вооруженного восстания».

Вождь партии был глубоко убежден в том, что если план вооруженного восстания будет твердо осуществляться, то «победа обеспечена, и на девять десятых шансы, что бескровно».

БОЕВОЙ ШТАБ

В одном из своих писем в Центральный Комитет партии В. И. Ленин настоятельно советовал: «...чтобы отнестись к восстанию по-марксистски, т. е. как к искусству, мы... должны организовать *штаб* повстанческих отрядов...»

Такой штаб был создан. Центральный Комитет партии организовал Военно-революционный центр в

составе пяти членов ЦК партии: А. С. Бубнова, Ф. Э. Дзержинского, Я. М. Свердлова, И. В. Сталина и М. С. Урицкого. В свою очередь эти члены ЦК должны были войти «в состав революционного Советского комитета» как его руководящее ядро.

Как же и когда был сформирован этот комитет? Поводом для его образования послужила попытка Временного правительства вывести революционные войска из Петрограда и таким образом обессилить революционную столицу, а затем сдать ее немцам. В связи с этим 9 октября пленум Петроградского Совета поручил своему исполкому организовать советский революционный комитет обороны в противовес штабу Петроградского военного округа: штаб округа выполнял контрреволюционные директивы Временного правительства и потому не заслуживал доверия.

Через три дня исполком обсудил и одобрил проект Положения о Военно-революционном комитете, выработанный военным отделом Петроградского Совета.

Окончательно Положение о Военно-революционном комитете (ВРК) было утверждено 16 октября пленумом Петроградского Совета, несмотря на сопротивление меньшевиков.

— Ведь это — штаб для захвата власти! — ужасались они.— Пусть большевики открыто скажут, готовят ли они восстание...

В. И. Ленин непосредственно руководил формированием комитета. Он встречался с членами ВРК, постоянно интересовался его работой. Один из организаторов ВРК, Н. И. Подвойский, вспоминает об одной из таких встреч. Владимир Ильич спросил, как он мыслит себе работу Военно-революционного комитета.

— Военно-революционный комитет,— ответил Подвойский,— по существу является расширенным Бюро

военных организаций при Центральном Комитете нашей партии.

— Вот это и неправильно,— возразил Владимир Ильич.— Ни в коем случае не Бюро, а такой полномочнейший, но беспартийный орган восстания, который связан с самыми широкими слоями рабочих и солдат. Этот комитет должен обеспечить участие в вооруженном восстании неограниченным пролетарским и солдатским массам. Чем больше будет проявлять инициативы и активности каждый член Военно-революционного комитета, тем сильнее и действительнее будет влияние всего комитета на массы. Ни под каким видом не следует допускать ни малейшей тени диктаторства Военной организации в Военно-революционном комитете. Главная задача Военной организации в том, чтобы комитет не уклонялся от правильной большевистской позиции. Основное — победа революции. Этой — и только этой — цели должен служить Военно-революционный комитет...

В полном соответствии с этими указаниями вождя партии большевиков и был сформирован Военно-революционный комитет. Возникнув как советский орган обороны революционной столицы, ВРК в ходе событий стал легальным боевым штабом восстания. Его основной, главной задачей стала организация вооруженных сил для пролетарской революции. Всю подготовку к вооруженному восстанию теперь партия большевиков проводила через ВРК под лозунгом обороны Петрограда и революции. Такая тактика вполне оправдала себя: ВРК открыто и успешно осуществлял секретные решения Центрального Комитета партии большевиков, направленные на свержение контрреволюционного Временного правительства.

Первое заседание Военно-революционного комитета состоялось 20 октября в Смольном [1]. Вопросы разрешались быстро, без длинных словопрений. Стремительно нараставшие события торопили. Комитет постановил наладить крепкую связь со всеми воинскими частями и направить в каждую из них опытных, надежных агитаторов.

Во время заседания появилась делегация рабочих Кронверкского арсенала Петропавловской крепости, где хранилось около ста тысяч винтовок, много револьверов и пулеметов, артиллерийские орудия, снаряды, патроны. Рабочие доложили, что из арсенала продолжают вывозить оружие по нарядам штаба Петроградского военного округа и других органов Временного правительства.

ВРК постановил направить в арсенал своего комиссара М. К. Тер-Арутюнянца, чтобы он разрешал выдачу оружия лишь по указанию ВРК.

С мандатом ВРК комиссар Кронверкского арсенала отправился в Петропавловскую крепость.

За Невой, на Заячьем острове, еле различимо проступали в осенней мгле очертания мрачной серой громады. Золоченый остроконечный шпиль соборной

---

[1] Огромное трехэтажное здание Смольного было построено в начале XIX века на том месте, где когда-то, еще во времена Петра I, был «Смоляной двор» и хранилась смола для флота. Отсюда и название дворца.

Прежде здание Смольного занимал Институт благородных девиц. Лишь в августе 1917 года воспитанницы института были выселены и распределены по другим учебным заведениям. В просторных же комнатах Смольного разместились Центральный исполнительный комитет Советов рабочих и солдатских депутатов, а также Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов. Несколько позже здесь обосновался Центральный Комитет партии большевиков.

колокольни, подчеркивавший плоское здание крепости, потускнел в низко опустившемся белесом тумане.

Не так давно крепость была страшной тюрьмой. В ее казематы царская охранка загоняла самых опасных революционеров. Теперь же она должна стать грозным опорным пунктом, поддерживавшим восстание революционных масс. Ведь под прицелом артиллерийских орудий крепости находились и Зимний дворец, и Нева, и наиболее важные мосты через нее.

Тер-Арутюнянц созвал объединенное собрание большевиков крепости и арсенала. Выяснилось, что распоряжение ВРК будет выполнено без особых затруднений, так как большинство гарнизона крепости явно сочувствовало большевикам. Можно было вполне положиться на солдат и даже на офицеров пулеметного батальона, а также на команду по охране складов арсенала. Что же касается солдат самокатного батальона и крепостной артиллерии, то они были настроены нейтрально и не собирались чинить препятствий комиссару ВРК. Лишь хозяйственная команда, сформированная почти исключительно из сынков петроградских лавочников, была враждебна большевикам.

После партийного собрания комиссар направился к коменданту арсенала прапорщику Филиппову. Тот встретил комиссара враждебно. Против воли коменданта Тер-Арутюнянц назначил в охрану арсенала самых надежных солдат. По его приказу они выкатили к воротам пулемет «максим», а два других пулемета держали наготове вблизи.

Вскоре к Тер-Арутюнянцу явился начальник караульной команды. Он доложил, что приехали юнкера за оружием. Комиссар вышел к воротам. Через решетку ворот офицер — командир юнкерского отряда подал

ему наряд на получение тысячи винтовок и несколько десятков пулеметов для военных училищ.

— Наряды военного округа теперь для арсенала не обязательны,— заявил Тер-Арутюнянц.— Оружие может быть выдано лишь по распоряжению Военно-революционного комитета.

Офицер стал угрожать, что применит силу.

— А на силу отвечают силой! — в свою очередь пригрозил комиссар, показывая на пулемет, выставленный у ворот.— Только попытайтесь — и никто из вас живым отсюда не уйдет.

Офицер оторопел. А затем повернулся к своим юнкерам и вместе с ними удалился...

— Усильте охрану арсенала! — приказал комиссар начальнику караульной команды.

Это было своевременно. Только подошло подкрепление, как у ворот появился отряд казаков на грузовых машинах. Их командир вызвал Тер-Арутюнянца и предъявил ему наряд на получение и отправку в Новочеркасск десяти тысяч винтовок для донских казаков.

Но и по этому наряду контрреволюционные войска не получили оружия. Столкнувшись с непреклонным комиссаром ВРК, казачий отряд тоже был вынужден удалиться с пустыми машинами.

20 октября в распоряжение ВРК перешел арсенал Петропавловской крепости. А через два дня Военно-революционному комитету подчинилась и вся крепость. Ее комиссаром стал Г. И. Благонравов.

Своих представителей Военно-революционный комитет направил и в другие воинские части петроградского гарнизона, а также на военные склады и заводы, в наиболее важные учреждения столицы. Всюду комиссары быстро завоевывали признание и влияние. Солдаты и рабочие встречали их дружелюбно, с полным доверием.

В Московский полк представителем ВРК назначили К. С. Еремеева. Когда он пришел в казарму полка, дежурный офицер отказался признать мандат ВРК и предложил Еремееву удалиться. Но тот возражал, настаивал. На шум подошли солдаты. Поведение офицера возмутило их.

— Слухайте, гражданин поручик,— вмешался один из них, украинец,— вы не маете права чепляться, бо цей товарыш от самого Военно-революционного комитету! То ж все равно, що генеральный штаб, ще бильше!

Солдата-украинца поддержали другие. Послышались угрожающие возгласы:

— Видали мы таких дежурных офицеров!

— Гони его вон!

Но офицер уже сбежал...

К Н. И. Подвойскому в Смольный вызвали А. А. Антонова с Обуховского сталелитейного военного завода. Подписывая мандат, Подвойский пристально поглядел Антонову в глаза и спросил:

— Все ясно?

— Пожалуй, ясно,— не совсем уверенно ответил Антонов. А про себя подумал: «На месте сам разберусь, что к чему» — и поехал на завод...

Вдали от центра столицы, на левом берегу Невы, широко раскинулись корпуса Обуховского завода, замыкая шеренгу других заводов и фабрик, расположенных за Невской заставой. В то время казенный Обуховский завод был самым крупным предприятием в России по изготовлению тяжелых артиллерийских орудий и снарядов.

Возвратившись на завод с мандатом ВРК, большевик Антонов прежде всего обратился в партийную организацию и в заводской комитет. Здесь он, действи-

тельно, получил полную поддержку. Зато администрация завода попыталась оказать сопротивление.

Начальником завода был генерал Чорбо. Явившись к нему, комиссар Антонов вручил ему письменное предложение запретить отправку военного снаряжения без разрешения ВРК. Генерал наотрез отказался подчиниться. На предписании комиссара он размашисто наложил резолюцию: «Не нахожу возможным сделать такое распоряжение. В. Чорбо».

— Ну, если не сделаете сами такого распоряжения,— твердо заявил Антонов,— то и помимо него служащие завода будут вынуждены выполнять мои приказы, а рабочие помогут мне в этом.

Зная настроения своих рабочих, генерал понял, что он бессилен сопротивляться. После недолгого раздумья Чорбо перечеркнул свою первую резолюцию и написал другую: генерал приказал отпускать снаряжение лишь под контролем комиссара ВРК.

Своего комиссара Военно-революционный комитет назначил и на крейсер «Аврора», стоявший в то время на Неве, у причала Франко-Русского судостроительного завода на капитальном ремонте [1].

---

[1] В мае 1900 года со стапельной площадки этого завода, скользя по намыленным бревнам, новорожденная «Аврора» впервые сошла в Неву под торжественный салют и гром военного оркестра. В 1903 году, подняв боевой военно-морской флаг, она пополнила Балтийский флот, а в мае 1905 года участвовала в Цусимском сражении. Прикрывая транспортные корабли, «Аврора» вместе с крейсером «Олег» отражала атаки девяти японских крейсеров. Получив тяжелые повреждения и стремясь избежать пленения, «Аврора» была вынуждена направиться к Филиппинам, в Манильский залив, где и простояла на рейде до заключения мирного русско-японского договора. До авроровцев дошли слухи о первой русской революции. Ни ее поражение, ни свирепые судебные приговоры не могли искоренить революционных настроений среди

Ремонт производили петроградские судостроительные заводы. Рабочие-большевики этих заводов вели среди матросов крейсера революционную пропаганду и агитацию, подготовили их к выступлению в дни Февральской революции.

За революционную пропаганду 27 февраля 1917 года были арестованы и заключены в судовой карцер крейсера трое рабочих. Это возмутило авроровцев. Они набросились на команду охранников, требуя освобождения арестованных. По приказу командира крейсера раздались выстрелы. Один из матросов упал замертво. Но эта кровавая расправа не устрашила восставших. На следующий день матросы совместно с подоспевшими к ним на помощь рабочими завладели кораблем, арестовали офицеров, а командира Никольского и старшего лейтенанта Ограновича расстреляли.

Капитальный ремонт продолжался. Продолжалась и большевистская пропаганда среди авроровцев. При их поддержке председатель судового комитета А. В. Белышев завоевал такой авторитет, что без его разрешения новый командир крейсера не мог ничего предпринять.

В ночь на 22 октября на крейсер был доставлен приказ морского министра вывести крейсер из Невы в море, на пробу. Но это был лишь предлог. В действительности же министр намеревался освободить столицу от революционного корабля.

авроровцев. На корабле продолжали возникать подпольные кружки, распространялись революционные листовки и брошюры.

В конце 1916 года «Аврору», постаревшую и покалеченную в боях с германским флотом во время первой мировой войны, вернули в Петроград и поставили на капитальный ремонт у причала того же Франко-Русского завода.

— Когда прикажете сниматься? — спросил командир Белышева.

— Придется подождать,— ответил председатель судового комитета.— Сейчас выясню...

Он немедленно телеграфировал председателю Центробалта Дыбенко:

«Приказано выйти в море на пробу и после пробы следовать в Гельсингфорс. Как быть?»

Ответная телеграмма приказала:

««Авроре» произвести пробу 25 октября».

— Вот видите,— заявил Белышев командиру крейсера,— сейчас сниматься не будем... Придется подождать до двадцать пятого октября...

Коварный замысел министра-контрреволюционера не осуществился. Ему помешал большевик — председатель судового комитета.

Через день Белышев и член судового комитета Лукичев по вызову явились в Военно-революционный комитет.

Там их встретил Я. М. Свердлов. Он стал расспрашивать о настроениях авроровцев. Белышев подробно доложил.

— Ну, а кто на «Авроре» пользуется особым авторитетом? — спросил Яков Михайлович.

— Да вот Белышев,— ответил Лукичев.— Он у нас председателем судового комитета.

— Товарищи моряки,— сказал Свердлов.— Военно-революционный комитет уполномочил меня назначить комиссара «Авроры». Я думаю, что кандидатура товарища Белышева будет подходящей.

Белышев по-военному подтянулся и коротко ответил:

— Решение партии — для меня приказ.

Вручая Белышеву мандат ВРК, Свердлов сказал:

— На вас возлагается большая ответственность. Надвигаются решающие события, и «Авроре» придется сыграть в них важную роль...

За три дня Военно-революционный комитет назначил около трехсот комиссаров. Революционная столица была готова выступить по первому призыву своего боевого штаба.

Приближался час вооруженного восстания.

УСПЕШНОЕ НАЧАЛО

Наступило 24 октября 1917 года.

Густая пелена сплошных туч закрывала весь небосвод. Уже шестой час утра, а столица еще не сбросила с себя ночного, темного покрывала.

По мостовой Кавалергардской улицы (теперь улица Красной конницы) торопливо шагал отряд юнкеров в сопровождении офицера милиции. Поравнявшись с типографией, в которой печаталась большевистская газета «Рабочий путь» (так в те дни называлась «Правда»), юнкера остановились, а офицер вошел в типографию. Там его встретил сотрудник типографии.

— По решению Временного правительства ваша типография закрыта, а издание большевистских газет запрещено,— заявил офицер.— Вот ордер командующего войсками Петроградского военного округа.

— Ордер командующего я отказываюсь принять. Мы подчиняемся только распоряжениям Военно-революционного комитета.

— Ах так! — раздраженно промолвил офицер и вышел к юнкерам.

Он приказал им занять типографию. У ее входов и

выходов были расставлены караулы. Затем юнкера набросились на рабочих, отказавшихся приостановить печатание газеты, забрали около восьми тысяч только что отпечатанных экземпляров «Рабочего пути» и отправили их в районную милицию, где и сожгли.

Весть о разгроме типографии быстро распространилась. К типографии, оцепленной юнкерами, подходили рабочие, красногвардейцы. Они возмущались, угрожали юнкерам. Один из красногвардейцев позвонил по телефону в районный комитет большевистской партии. Оттуда сообщили в Смольный о захвате типографии.

Находившиеся в Смольном члены Центрального Комитета партии тотчас же собрались на экстренное заседание. Было решено немедленно направить в типографию вооруженную охрану, с тем чтобы возобновить печатание газеты.

Но этим члены ЦК не ограничились.

Быстро, без продолжительных прений, ЦК партии принял важные решения. Еще раз подтвердили, что руководить вооруженным восстанием ЦК будет через Военно-революционный комитет. На случай разгрома Смольного решили организовать запасной штаб в Петропавловской крепости и опорный пункт на крейсере «Аврора». В Смольном устанавливались дежурства.

Выполняя решения ЦК партии большевиков, Военно-революционный комитет направил на освобождение типографии два отряда. В восьмом часу утра они подошли к типографии, разогнали юнкеров, сорвали печати с дверей. Работа возобновилась. Уже к одиннадцати часам утра вновь были отпечатаны экземпляры очередного номера «Рабочего пути», открыто призывавшего к вооруженному восстанию.

Отбив налет на большевистскую типографию и руководствуясь ленинским планом восстания, ВРК решил

лишить Временное правительство и его контрреволюционные партии возможности пользоваться печатью. Быстро были захвачены пятнадцать наиболее крупных типографий. В них стали печатать приказы, воззвания, объявления Военно-революционного комитета, Петроградского Совета и других революционных организаций.

Одновременно с вооруженной борьбой за типографии в столице разгорелись бои за овладение всем городом.

По совету В. И. Ленина Военно-революционный комитет решил «в первую голову» захватить мосты через Неву. Это было тем более необходимо, так как юнкера уже оцепили мосты, прекратили всякое движение по ним и приказали механикам разводить их.

Но осуществить это юнкерам не удалось. По приказу ВРК революционные войска и красногвардейские отряды подошли к мостам и, быстро преодолев вражеское сопротивление, завладели почти всеми переправами через Неву. К семи часам вечера по мостам было восстановлено движение. Красногвардейские дружины спешили из заводских районов к центру на помощь восставшим.

Лишь Дворцовый и Николаевский мосты пока оставались в руках юнкеров.

Узнав об этом, ВРК приказал комиссару крейсера «Аврора» Белышеву всеми имеющимися в его распоряжении средствами восстановить движение по Николаевскому мосту (теперь мост Лейтенанта Шмидта).

Посоветовавшись с членами судового комитета, Белышев решил подвести крейсер к мосту и, пригрозив орудийным обстрелом, принудить юнкеров оставить мост.

Оторвать крейсер от причала Франко-Русского за-

вода было необходимо еще и потому, что с этой позиции невозможно обстрелять Зимний дворец: следовало подвести корабль поближе к нему, вывести «Аврору» на свободную воду для маневра.

По команде авроровцы начали поднимать пары в котлах, прогревали машины. Из труб крейсера повалил дым, смешиваясь с низко опустившимися облаками.

Пока готовились к отплытию, комиссар Белышев пошел в каюту командира «Авроры» Эриксона и предложил ему вести крейсер к мосту.

— Это невозможно,— заявил командир.— С начала войны фарватер реки ни разу не углублялся. Можно сесть на мель, поломать винты, пропороть днище корабля... Я не могу взять на себя такой риск... Я несу ответственность за сохранность корабля...

Комиссар пытался уговаривать командира, но тот не соглашался.

Тогда Белышев пошел в кают-компанию к офицерам, но и они отказались вести корабль.

Уходя, комиссар приказал офицерам:

— От имени судового комитета предлагаю вам не выходить на палубу!

Вызвав надежных матросов, Белышев поставил их у дверей кают-компании.

Но как быть? Кому поручить вести корабль? На помощь пришел старшина рулевых Сергей Захаров. Он вызвался проверить фарватер реки ручным лотом.

Захаров повесил на грудь аккумуляторный фонарик, заклеенный черной бумагой. Из крошечного отверстия, проколотого иглой в бумаге, еле сочился тонкий лучик света. Вместе с другими матросами старшина спустился в шлюпку и отплыл. Тотчас же шлюпка погрузилась в ночную мглу.

С Финского залива ветер гнал тяжелые, холодные

волны. Над взбудораженной поверхностью Невы стлался мокрый туман. Посеревшая река как бы ртутью налилась. Вокруг темно и тихо. Только слышно было, как с шорохом катились волны да слегка плескалась под веслами вода. Еле различимо мигали огни набережных. Иногда издали, с Петропавловской крепости, прожектор пронизывал ночную темь и на миг освещал четкие разлеты арок Николаевского моста.

Матросы молча гребли, а старшина измерял лотом речную глубину. Каждую минуту угрожала опасность. Юнкера с моста могли заметить шлюпку и обстрелять ее. Однако мрак ночи спасал. Шлюпка все ближе продвигалась к мосту. Посвечивая фонариком, Захаров заносил на лист бумаги отметки промера фарватера. Выяснилось, что глубина реки позволяла крейсеру идти малым ходом, не касаясь дна.

Добравшись почти до моста, шлюпка повернула обратно. Она возвращалась с радостной вестью. С каждым взмахом бесшумных весел гребцы приближались к «Авроре». Вот тускло заблистали стволы ее орудий, металлические поручни трапов.

Когда шлюпка причалила к крейсеру, Захаров первый взобрался на палубу. Передавая Белышеву лист с чертежом-картой, он доложил:

— Фарватер достаточно глубок. Еще с запасом под килем... Корабль может идти к мосту...

Белышев вторично зашел к командиру и сообщил о результатах промера. Но Эриксон опять отказался вести корабль.

Тогда комиссар вместе с секретарем партийной ячейки Т. И. Липатовым поднялся на командный мостик. Загрохотали тяжелые якорные цепи. Подошли буксиры и стали отводить «Аврору» от причала Франко-Русского завода...

Вдруг Белышева окликнул часовой:

— Командир желает видеть комиссара.

— Веди командира сюда! — приказал Белышев.

На мостик поднялся смущенный командир.

— Я не могу допустить,— заявил он,— чтобы «Аврора» села на мель. Я согласен довести корабль до моста...

— Ладно... Ведите...

Осторожно, маневрируя по фарватеру, «Аврора» вышла за излучину реки у Нового Адмиралтейства. Здесь на крейсере вспыхнули мощные прожекторы. Они бросали яркие снопы света на обе набережные — на Николаевскую слева и на Английскую справа. По ним по направлению к мосту спешили красногвардейцы, солдаты и матросы 2-го Балтийского флотского экипажа.

В три часа тридцать минут ночи «Аврора» подошла к мосту. Он был пуст: завидя приближавшийся крейсер, юнкера сбежали. Но вот на смену им по набережным уже спешили матросы, красногвардейцы, солдаты.

На мосту зиял один разведенный пролет. Судовые электромеханики поднялись на мост и привели в движение механизм разводной фермы моста. Она с лязгом сомкнулась со всем мостом. По нему с Васильевского острова хлынули красногвардейские и солдатские отряды. А у моста, у его среднего пролета, угрожающе застыла на якоре «Аврора». Длинные стволы ее орудий нацелились на Зимний дворец...

Через три часа матросы отбили последний, Дворцовый мост.

В то время как шла борьба за мосты, революционные солдаты, матросы и красногвардейцы отвоевывали у врага другие важные объекты.

Около двух часов дня 24 октября в Смольном Ф. Э. Дзержинский подошел к С. П. Пестковскому, который регистрировал делегатов, прибывавших на II Всероссийский съезд Советов. Открытие его было намечено на 25 октября.

— Военно-революционный комитет назначил вас комиссаром Главного телеграфа,— объявил Дзержинский Пестковскому.— Вот вам мандат. Отправляйтесь туда вместе с Лещинским и немедленно занимайте телеграф.

— Как же я смогу занять телеграф? — недоумевал вновь назначенный комиссар.— У меня нет вооруженной силы. Да и сам я безоружен. Даже не имею револьвера.

— Ничего вам не нужно,— успокаивающе пояснил Дзержинский.— Караул на телеграфе несет Кексгольмский полк, а он на нашей стороне. Кексгольмцы окажут вам содействие. Отправляйтесь смело!..

С. П. Пестковский и Ю. Н. Лещинский тотчас же выехали на автомобиле. Вскоре к ним на помощь подъехал А. М. Любович, комиссар Кексгольмского полка.

Служащие телеграфа встретили комиссаров ВРК враждебно. Они еще находились под влиянием социалсоглашателей.

— Это насилие! — кричал эсер Кинг, председатель союза почтово-телеграфных служащих.— Мы не подчиняемся самозванному Военно-революционному комитету! Извольте убираться вон!

Комиссары ушли, но вскоре вернулись в сопровождении солдат-кексгольмцев. Среди служащих начался переполох. Струсивший Кинг смирился.

— Оставайтесь здесь! — заявил он комиссарам.— Только, ради бога, уберите солдат из помещения...

Солдаты вышли, телеграф возобновил работу, но уже под наблюдением комиссара ВРК.

Через три часа отряд юнкеров, посланный штабом округа, пытался вновь захватить телеграф, но, встретив сопротивление революционных солдат, был вынужден удалиться.

В тот же день в руках ВРК оказался и Главный почтамт. Там под руководством большевиков против эсеро-меньшевистской верхушки служащих активно боролась так называемая «инициативная группа». Она обратилась за помощью в районный Совет. Он быстро прислал вооружение и солдат. При их содействии Главный почтамт был захвачен большевиками изнутри, без боя.

В десять часов вечера без вооруженного столкновения было занято матросами соседнее здание Петроградского Телеграфного Агентства, а солдатами Измайловского полка — Балтийский вокзал.

Ночью юнкера еще раз попытались с налета отобрать телеграф, почтамт и агентство, но матросы, взяв ружья на изготовку, угрожающе скомандовали:

— Левое плечо вперед, марш!

Под эту команду юнкера поспешно бежали...

ПАНИКА ВО ДВОРЦАХ

Первые успехи красногвардейцев, матросов и солдат вызвали панику в стане врага. Было очевидно, что восстание успешно разрастается и расширяется. Захватывая объект за объектом, восставшие неудержимо приближались к Зимнему дворцу и расположенному рядом с ним штабу Петроградского военного округа, где укрылись члены Временного правительства и прочие главари контрреволюции.

В штабе, в своем просторном кабинете, выкуривая папиросу за папиросой, нервно шагал командующий округом полковник Полковников. Его продолговатое лицо с болезненно-землистой кожей иногда судорожно подергивалось. Тут же находился начальник штаба генерал Багратуни. Его располневшее тело еле умещалось в широком кресле.

Оба подавленные, они угрюмо обсуждали военное положение в столице. Их беседу часто прерывали телефонные звонки. Вести становились все более тревожными. Неутешительны были и доклады адъютантов, которые то и дело появлялись в кабинете. Всюду брали верх вооруженные силы Военно-революционного комитета. Занята типография! Захвачен мост! Уже потерян телеграф, за ним и почтамт!

Что же делать? Подписывались и рассылались приказ за приказом. Но вскоре выяснилось, что они оставались невыполненными. Не действовали и распоряжения по телефону. Приходилось менять тактику: от наступления переходить к обороне. Но и оборону держать становилось все труднее.

Паника захлестнула и Зимний дворец. Министр-председатель Временного правительства эсер Керенский с каждым часом все более терялся, не зная, что предпринять. Еще не так давно, беседуя со своим приспешником Набоковым, Керенский заверял его в прочности положения.

— Как вы относитесь к возможности большевистского выступления? — спросил Набоков.

— Я был бы готов отслужить молебен, чтобы такое выступление произошло,— бравируя, ответил Керенский.

— А уверены ли вы, что сможете справиться с ним?

— У меня больше сил, чем нужно. Большевики будут раздавлены!

— Я желаю только, чтобы большевики вышли на улицу, и тогда я раздавлю их! — заверял Керенский английского посла Бьюкенена.

Так бахвалился Керенский несколько дней назад. А теперь он метался в роскошных апартаментах Зимнего дворца. Подходил к окнам и из-за суконных и шелковых гардин тревожно рассматривал Дворцовую площадь, Неву, Петропавловскую крепость. Отовсюду угрожала смертельная опасность. Спасаясь от нее, Керенский уходил во внутренние помещения дворца, где еще недавно блистали бальные и концертные залы, жилые царские комнаты, отделанные мрамором и деревом драгоценных пород, шелками и бархатом, разукрашенные тонкой резьбой, причудливой лепкой, сверкающей позолотой, пышной живописью. При Керенском эти великолепные залы и комнаты были отведены под различные канцелярии, и все прежнее великолепие было загажено, закапано чернилами, прокурено.

Полная изоляция, отрешенность от внешнего мира внутренних покоев немного успокаивала «временного правителя». Сюда не доносились ни ликующие, победные возгласы восставших, ни ружейно-пулеметная стрельба. Лишь неумолкаемо стрекотали пишущие машинки, выстукивая последние приказы Временного правительства.

В других дворцовых комнатах размещались караульные команды. В последнее время, опасаясь измены, Керенский менял их почти ежедневно. В этих комнатах на узорчатых паркетных полах валялись грязные тюфяки. На них лежали юнкера и казаки, подложив под головы вещевые мешки. На столах с тончайшими инкрустациями громоздились «батареи» винных буты-

лок. Удушливые запахи казармы оскверняли воздух.

Утром 24 октября встревоженный Керенский созвал своих министров на экстренное совещание. Он сообщил им о последних событиях в столице и ознакомил с тезисами своей речи, приготовленной для выступления во Временном совете Российской республики. Этот Временный совет, или Предпарламент, как его иначе называли, был создан социал-предателями и контрреволюционной буржуазией как постоянный совещательный орган при Временном правительстве. Прячась за эту «демократическую» ширму, буржуазная диктатура помогала Временному правительству проводить антинародную политику.

И на этот раз министр-председатель Временного правительства рассчитывал получить такую поддержку. Тезисы речи Керенского содержали настойчивую просьбу к Предпарламенту об этой помощи.

После того как тезисы были одобрены всеми министрами, Керенский уехал в Мариинский дворец, где заседал Предпарламент.

В этом роскошном дворце на Исаакиевской площади в страхе и предчувствии надвигавшейся смертельной угрозы собрались представители торгово-промышленных кругов, земства, кооперации, различных политических партий. Не было только большевиков: они бойкотировали Предпарламент.

Огромный зал дворца был переполнен. Кроме членов Предпарламента было много военных. Все с нетерпением ожидали услышать важное заявление главы правительства. А пока со скукой слушали монотонный доклад министра внутренних дел меньшевика Никитина. Уныло сообщал он о повсеместных продовольственных затруднениях и «беспорядках».

Но вот в правительственной ложе появился Керенский, и взоры многих устремились на него. Он держался, как всегда, надменно. Но за показной театральностью явно сквозила глубокая тревога. В глазах затаилось нараставшее отчаяние. Губы истерически кривились в жалкой улыбке. На оплывшем, дряблом лице блуждала растерянность.

Как только Никитин закончил свою затянувшуюся речь, министр-председатель торопливо вбежал на трибуну.

Потрясая сжатыми кулаками, визгливо выкрикивая угрозы по адресу большевиков, Керенский призывал к беспощадной расправе с ними. Истерическая речь все более взвинчивала контрреволюционное собрание. Оно шумно аплодировало оратору. А это еще более подогревало Керенского. Он неистовствовал, обвиняя большевиков в государственной измене.

— Для того чтобы не быть голословным,— продолжал он выкрикивать с трибуны,— я процитирую вам здесь наиболее определенные места из ряда прокламаций, которые помещались разыскиваемым, но скрывающимся государственным преступником Ульяновым-Лениным в газете «Рабочий путь».

Керенский огласил выдержки из ленинского «Письма к товарищам».

— Таким образом,— продолжал Керенский,— я должен установить перед Временным советом полное, явное и определенное состояние известной части населения Петрограда как состояние восстания...

В это время к трибуне подошел Коновалов, министр, заместитель Керенского, и передал ему листок. То была копия приказа Военно-революционного комитета привести все полки петроградского гарнизона в полную боевую готовность.

Среди наступившей тишины Керенский огласил и этот документ, а затем с надрывом кончил:

— Я прошу от имени страны — да простит мне Временный совет республики,— требую, чтобы сегодня же на этом заседании Временное правительство получило от вас ответ — может ли оно исполнить свой долг с уверенностью в поддержке этого высокого собрания.

В Зимний дворец Керенский вернулся в приподнятом настроении. Он был уверен, что Предпарламент окажет поддержку и восстание будет подавлено.

Однако даже такой пустой, бумажной поддержки Керенский не получил. После его отъезда из Мариинского дворца председатель Предпарламента Авксентьев объявил перерыв. Начались затянувшиеся надолго совещания по фракциям. Трудно было согласовать общую резолюцию об отношении к Временному правительству. Многие были недовольны его нерешительностью в борьбе с восставшими.

Заседание Предпарламента возобновилось лишь в семь часов вечера. После долгих споров, незначительным большинством голосов была принята наконец резолюция, осуждавшая большевиков и вместе с тем возлагавшая ответственность за восстание на Временное правительство.

Узнав об этом, Керенский решительно заявил, что при такой позиции Предпарламента он не может оставаться во главе правительства.

Заправилы Предпарламента переполошились. Его председатель Авксентьев, главарь меньшевиков Дан и главарь эсеров Гоц поспешили в Зимний дворец. Они стали усиленно уговаривать Керенского остаться у власти: ссылались на аплодисменты, которыми Предпарламент только что награждал Керенского, выражая этим одобрение его речи и политики.

— Почему же в таком случае в резолюции нет обычного парламентского выражения о доверии правительству? — возмущался Керенский.

— Это объясняется неудачной редакцией, поспешностью,— уверял Авксентьев.

Переговоры закончились тем, что Керенский согласился остаться у власти.

Временное правительство заседало до часу ночи. Во втором министры стали разъезжаться по квартирам.

В Зимнем остались лишь Керенский и Коновалов. Всю ночь они не смыкали глаз, поддерживали связь со штабом округа, пытаясь наладить оборону и все более убеждаясь в своем бессилии. С ужасом они узнали, что красногвардейская разведка проникла в ту ночь даже во дворец и вывела из строя автомашины.

А произошло это так. Выполняя задание Военно-революционного комитета, отряд красногвардейцев незаметно прошел со стороны реки Мойки во внутренний двор Зимнего дворца. Из подвального этажа дворца, где находилась комната для шоферов, доносились крики, брань, оживленный разговор.

Красногвардейцы вышли через боковую дверь на набережную Невы, а оттуда направились в Мошков переулок (теперь Запорожский переулок). Здесь, в условном месте, их поджидал товарищ из ВРК. Они доложили ему о результатах разведки.

— Отправляйтесь обратно во дворец,— приказал он красногвардейцам.— Нужно снять магнето со всех автомашин.

Двое из красногвардейцев, переодетые в казачьи мундиры, зашли в шоферскую комнату и затеяли там пляски, стали распевать солдатские песни. А остальные красногвардейцы в это время снимали магнето.

Иногда появлялись юнкера и, освещая себе путь кар-

манными электрическими фонарями, обходили двор. Прижавшись под автомашинами, разведчики неподвижно застывали там с гранатами в руках. Но дозорные проходили мимо.

Погрузив магнето в мешки, красногвардейцы благополучно выбрались из дворца с драгоценной добычей. Вслед за ними скрылись и разведчики из шоферской комнаты, вовремя закончив там свой «концерт».

Зимний дворец лишился большинства боевых и транспортных автомашин. Это еще более ослабляло его оборону.

Паника во дворце все более нарастала...

ЛЕНИН В СМОЛЬНОМ

Развал обороны, смятение, отчаяние царили на Дворцовой площади. При потушенных огнях пугливо притаился Зимний. Иные настроения были на Лафонской площади (теперь площадь Пролетарской диктатуры). Здесь открыто, торжествующе пылал ярко освещенными окнами Смольный, ни на секунду не прекращалась боевая жизнь. В Зимний дворец доносились унылые сообщения о поражениях. В Смольном же все чаще распространялись радостные вести о победах. В Зимнем в отчаянии судорожно цеплялись за погибавшее прошлое. Люди Смольного были охвачены безудержным порывом в светлое, еще неизведанное будущее. В Зимнем постепенно угасала надежда на спасение, ослабевала воля к борьбе. В Смольном же все более нарастала боевая напористость, крепла вера в силы восставшего народа.

Как огромный потревоженный муравейник, Смоль-

ный пришел в неукротимое движение. Всюду деловая суета. Всюду кипело, бурлило, бушевало.

В арку главного подъезда с шумом и грохотом въезжали автомобили, груженные оружием, кипами газет, брошюр, листовок. Получив наряды, автомобили мчались на заводы, фабрики, в казармы, развозя винтовки, патроны и прочее вооружение. Приезжавшие всадники, оставив лошадей у коновязей, спешили со своими донесениями, получали приказы и затем, вскочив на коней, стремительно исчезали, как вестники победного восстания. Во двор нескончаемо вливались людские потоки. Тысячи красногвардейцев, солдат и матросов, построившись, отправлялись выполнять боевые задания.

В ожидании застыли броневики, готовые по первому сигналу ринуться в бой. Пулеметы и пушки прислушивались, не раздается ли боевая команда. Дымили походные кухни. Пламенели костры. Возле них грелись продрогшие, промокшие красногвардейцы. Вспышки костров выхватывали из тьмы то заблиставший штык винтовки, то бутылки гранат на поясе красногвардейца, то стволы полевых трехдюймовок, то какую-нибудь фигуру, опутанную крест-накрест пулеметными лентами.

У входных дверей стояли строгие часовые. Проверив документы, они пропускали связистов, уполномоченных, делегатов II Всероссийского съезда Советов, представителей партийных, советских и военных организаций — всех, кто активно участвовал в революционной борьбе.

Сводчатые коридоры Смольного наполнялись гулом от стремительных шагов, звоном шпор, отрывистыми возгласами. Люди спешили получить советы и приказы, запастись мандатами. Прекратились совещания

с длинными словопрениями. Время слов минуло. Настало время жарких дел.

И вот сюда, в Смольный, поздно вечером двадцать четвертого октября решил прийти В. И. Ленин, чтобы лично, непосредственно руководить последними боями за власть Советов.

Продолжая скрываться в квартире М. В. Фофановой на Сердобольской улице, Владимир Ильич следил за революционными событиями в столице. От Фофановой он узнал и о неудавшейся попытке юнкеров захватить типографию газеты «Рабочий путь» и о начавшейся борьбе за мосты. По плану столицы, развернутому на столе, Ленин отмечал, как развиваются боевые операции. Владимир Ильич настолько был взволнован и захвачен событиями, что с утра до вечера ничего не ел. Фофанова несколько раз предлагала ему пообедать, но он отказывался.

В шестом часу вечера Владимир Ильич попросил Фофанову отвезти в Центральный Комитет письмо. В нем В. И. Ленин испрашивал разрешения выйти из подполья и явиться в Смольный.

В Выборгском районном комитете партии Фофанова передала письмо Надежде Константиновне Крупской. Вскоре из ЦК партии был получен ответ: покинуть подпольную квартиру Ленину не разрешили.

С таким ответом Фофанова и вернулась.

— Чего они боятся за меня, чудаки? Не пойму,— с огорчением и досадой промолвил Владимир Ильич.

В сильном волнении он стал шагать по комнате. Затем подсел к столу, опять вырвал из блокнота листок и набросал на нем несколько строк.

И эту записку Фофанова отнесла в Выборгский комитет партии. Ответ был снова отрицательный.

— Их надо, в конце концов, переубедить! — возму-

тился Владимир Ильич и написал обстоятельное «Письмо членам ЦК».

В этом письме он требовал быстрее завершить победные бои за власть, так как «промедление в восстании смерти подобно».

«Письмо членам ЦК» В. И. Ленин отправил около девяти часов вечера.

— Я жду вас до одиннадцати часов,— сказал он Фофановой и предупредил, что если она к этому времени не вернется, то он поступит так, как считает нужным.

Вскоре к В. И. Ленину пришел Эйно Рахья.

Рахья был очень голоден, так как весь день выполнял партийные поручения. Владимир Ильич накормил его. Закусывая, Рахья сообщал последние новости. Его рассказы очень взволновали Владимира Ильича. В глубоком раздумье шагал он по комнате.

Наконец Ленин заявил, что ему необходимо, и как можно скорее, пойти в Смольный.

Рахья стал отговаривать:

— Время позднее. Трамвайное движение, вероятно, уже прекратилось. Придется идти пешком. А это далеко. Да и опасно. На улицах стрельба. К тому же в пути можно наскочить на юнкерский патруль.

Но Владимир Ильич не согласился с этими доводами и решительно заявил:

— Едем в Смольный!

Перед уходом на бумажном листке написал:

«Ушел туда, куда вы не хотели, чтобы я уходил. До свидания. Ильич».

Эту записку Владимир Ильич оставил для Фофановой на столе, положив на дно глубокой тарелки.

Напялив парик, Ленин обвязал платком щеку, нахлобучил старенькую кепку и надел поношенное пальто.

Вышли на Большой Сампсониевский проспект.

Низко чернело хмурое небо. Ветер срывал с деревьев бурую, жухлую, уже отжившую листву. После утреннего дождя остались топкие лужи. Ноги скользили, к подошвам липли тяжелые комья грязи. Предстоял дальний, трудный, опасный путь.

Но путникам посчастливилось. Вскоре их нагнал трамвай. Он был почти пустой: шел в парк.

Разговорившись с кондукторшей, Владимир Ильич спросил ее, куда трамвай направляется.

Кондукторша с удивлением посмотрела на него:

— Вот чудак! Откуда ты только выискался! Неужто не знаешь, что в городе делается?

— Нет, не знаю.

— Какой же ты после этого рабочий, раз не знаешь, что будет революция. Мы едем буржуев бить!..

Владимир Ильич удовлетворенно улыбнулся.

На Боткинской улице трамвай сворачивал в парк. Дальше пришлось идти пешком.

Прошли Пироговскую набережную, затем мост Александра II (теперь Литейный мост).

Когда свернули с Литейного проспекта на Шпалерную улицу (теперь улица Воинова), навстречу прискакали два юнкера.

— Стой! Пропуск! — скомандовал один из них.

— Идите вперед,— прошептал Рахья Ленину.— А я с ними сам разделаюсь...

У Рахья в карманах были припрятаны два револьвера. В случае опасности он решил стрелять. А пока затеял перебранку.

— Вы не имеете права задерживать! Ведь никому не известно о том, что введены пропуска...

Угрожая нагайками, юнкера требовали, чтобы Рахья следовал за ними. Но он сопротивлялся. Это,

видимо, озадачило юнкеров: всех рабочих не заберешь; да и раздражать их без особой нужды опасались. Юнкера решили не связываться с рабочим и отъехали.

Ленин был далеко впереди. Рахья догнал его, и они пошли дальше, к Смольному.

А там у входных дверей столпились люди. Часовые проверяли документы. У Рахья были припасены два подделанных на имя членов Петроградского Совета пропуска.

Около часовых шумели, кричали. Многих не пропускали. Они возмущались. Вместе с ними негодовал и Рахья. Потрясая «липовым» пропуском, он рвался к проходу. За ним и другие. Образовалась давка. Воспользовавшись ею, Рахья и Ленин проникли в Смольный.

Поднявшись на второй этаж, Владимир Ильич присел у окна, а Рахья пошел разыскивать членов ЦК партии.

— Кажется, Ильич? Да, Ильич! — послышались изумленные возгласы проходивших мимо.

Владимир Ильич, недоумевая, подумал: как же они узнали его?

Он провел рукою по голове и только тогда понял: снимая кепку, он вместе с нею снял и парик...

Вскоре подошли Свердлов, Дзержинский и другие члены ЦК партии. Они обрадовались появлению вождя партии.

Перейдя в комнату для совещания, члены ЦК подробно доложили В. И. Ленину о событиях.

В. И. Ленин изложил им программу срочных, неотложных мероприятий: закончить захват всех важных учреждений и зданий столицы (телефонной станции, вокзалов, дворцов); объявить Временное правитель-

ство низложенным; провозгласить Советскую власть; открыть II Всероссийский съезд Советов и утвердить на нем декреты о земле и мире; сформировать революционное рабоче-крестьянское правительство.

С появлением Ленина в Смольном руководство восстанием еще более окрепло. У штурвала пролетарской революции стал вождь партии большевиков. Он твердо взял курс на победное наступление.

В. И. Ленин вникал во все подробности боевой деятельности Военно-революционного комитета, утверждал его важнейшие распоряжения и приказы, назначения людей на ответственные посты. К Ленину стягивались все нити вооруженного восстания. К нему шли члены большевистских райкомов и райсоветов, представители фабрик и заводов, Красной гвардии и воинских частей. И все получали от него необходимые советы, указания, наставления, помощь.

У комнаты, где работал В. И. Ленин, поставили охрану из самых надежных красногвардейцев. Заготовили новые пропуска в Смольный. Пропуск № 1 выдали В. И. Ленину.

— Что это? Пропуск? Зачем? — спросил он командира красногвардейского отряда.

— Необходимо. На всякий случай... Уже создана охрана Смольного... Прошу взглянуть...

Владимир Ильич приоткрыл дверь, выглянул и увидел красногвардейцев, стоявших на карауле.

— Какие молодцы! Приятно смотреть! — восхищенно сказал Владимир Ильич.

Всю эту ночь В. И. Ленин и другие члены ЦК партии оставались в Смольном. Требовалось полное напряжение всех сил. Вооруженное восстание все более разрасталось. Оно неудержимо приближалось к своему победному концу.

БЕГСТВО КЕРЕНСКОГО

Перевес революционных сил становился все более решающим. Быстро, без больших жертв были ликвидированы последние очаги и опорные пункты контрреволюции. Лишь немногие из них оказывали сопротивление.

Наиболее затяжная борьба разгорелась за Центральную телефонную станцию. Утром 25 октября к зданию станции подошли две роты Кексгольмского полка и красногвардейский отряд. На карауле у ворот стоял лишь один юнкер. Кексгольмцы и красногвардейцы обезоружили его и устремились во двор станции. Здесь, в подворотне, загораживая проход, стоял броневик. Пулеметчики, находившиеся в нем, спали. Их без труда обезоружили и взяли под стражу. Солдаты и красногвардейцы, по одному с обеих сторон броневика, цепочкой стали проникать во двор. Навстречу им из караульного помещения выбегали юнкера. Защелкали ружейные затворы. Командир кексгольмцев властно скомандовал:

— Вынь патроны!

Не разобравшись в темноте, кто командует, одни юнкера послушно разрядили винтовки, другие оторопело застыли в недоумении. А когда разобрались — было уже поздно: пришлось разоружиться и сдаться на милость красногвардейцев и кексгольмцев, заполнивших весь двор.

Появление красногвардейцев и революционных солдат в помещении станции перепугало телефонисток. Многие из них попадали в обморок. А очнувшись, они отказались работать, не желая помогать восставшим. Лишь девять телефонисток согласились продолжать работу. Но разве могли они справиться, если на

коммутаторе пылал «пожар»: сто тысяч вызывных лампочек беспрерывно вспыхивали, настойчиво требуя включить, соединить...

На помощь телефонисткам пришли кексгольмцы и красногвардейцы. Некоторые из них уселись за коммутатор. Вскоре к ним присоединились и работницы, вызванные с ближайших фабрик и заводов.

Постепенно связь между революционными организациями налаживалась. В первую очередь заработали телефоны Смольного. Телефоны Зимнего дворца, штаба округа и других учреждений контрреволюционного правительства были выключены.

Контрреволюционно настроенные служащие станции попытались саботировать ее работу. Кто-то из них похитил гарнитуры. Об этом срочно сообщили на завод Гейслера. Оттуда тотчас же доставили новые гарнитуры. Кто-то из вредителей воткнул булавки в коллектор электрической машины. Но это вовремя обнаружили, авария была предотвращена.

Не ограничиваясь саботажем и вредительством, контрреволюция даже попыталась отобрать станцию. Верховный комиссар при Ставке верховного главнокомандующего Станкевич направил сюда роту юнкеров школы прапорщиков инженерных войск. Ей удалось проскользнуть мимо красногвардейских патрулей и революционных охранных отрядов на Большую Морскую улицу (теперь улица Герцена). Но в это время со стороны Исаакиевской площади затрещали пулеметы красногвардейцев. Почти все юнкера в панике разбежались и укрылись в подъездах соседних домов. Немного оправившись от испуга, они стали возвращаться, готовясь с налета взять станцию. Вдруг показался броневик с красногвардейцами, и опять паника охватила юнкеров. Броневик остановился в воротах станции.

Убедившись, что отвоевать станцию невозможно, Станкевич увел часть роты в Зимний дворец. Остальные юнкера попали в окружение и были разоружены революционными войсками.

Телефонная станция продолжала работать. Но через некоторое время оттуда позвонили в Военно-революционный комитет с просьбой прислать продовольствие, так как служащие голодали.

Н. И. Подвойский вызвал С. Ф. Соколова, командира красногвардейского отряда.

— Вы с Трубочного завода? — спросил Подвойский.

— Да.

— Вы знаете, где телефонная станция?

— Хорошо знаю, товарищ Подвойский.

— Телефонистки предъявили нам ультиматум,— сказал Подвойский, улыбнувшись.— Если мы не накормим их, они покинут станцию. Туда надо отвезти продукты.

Соколов, девятнадцатилетний рабочий Трубочного завода, горел желанием пойти на героические подвиги, выполнять самые опасные боевые задания. А тут такое пустяковое поручение — отвезти продукты телефонисткам.

Подвойский понимающе добавил:

— А это не так просто и не так безопасно. Правда, станция находится в наших руках, но подходы к ней патрулируются юнкерами. Они могут обстрелять вас. Задача вашего отряда — проскочить с продуктами на станцию. Вы поняли задачу?

— Хорошо понял, товарищ Подвойский,— ответил повеселевший красногвардеец.

— Подымитесь в Военно-революционный комитет, возьмете там мандаты и действуйте!

Соколов вошел в одну из комнат ВРК. Не успел он осмотреться, как отворилась дверь и в комнате появился Владимир Ильич.

— Вы от товарища Подвойского? — спросил он, окинув быстрым взглядом мальчишескую фигуру Соколова.

— Да, товарищ Ленин.

— Вы хорошо поняли поручение?

— Хорошо понял, товарищ Ленин.

— Станция должна работать, а телефонистки голодными работать отказываются. Сумеете доставить продукты?

— Доставим, товарищ Ленин.

— А вдруг юнкера?

— Мы этих юнкеров раскидаем враз,— с жаром ответил красногвардеец.

— Это хорошо,— улыбаясь, похвалил Владимир Ильич.— Возьмите эту бумажку, получите все, что требуется. Вернетесь — доложите.

А затем, крепко пожав руку Соколова, Владимир Ильич добавил:

— Желаю успеха!

Спустившись вниз, Соколов развернул записку и прочел. На бланке Военно-революционного комитета чернильным карандашом было написано:

«Подателю сего отпустите 500 буханок хлеба, 300 банок мясных консервов, 2 мешка сахара, 2 фунта чаю. В. Ленин».

Вместе с другими красногвардейцами Соколов на грузовике заехал на Путиловский завод. Там по распоряжению ВРК уже были приготовлены продукты. Захватив их, Соколов благополучно доставил на телефонную станцию...

Почти без всякого сопротивления занимались дру-

гие учреждения и стратегические пункты столицы. В два часа ночи комиссар ВРК С. Я. Аллилуев явился на электростанцию «Общества 1886 года». Революционно настроенные рабочие охотно приняли комиссара и под его руководством обеспечили бесперебойную работу станции. Город был освещен. И лишь в учреждениях Временного правительства свет выключили.

Без боя был занят Николаевский вокзал, а несколько позже — Варшавский и Финляндский вокзалы. Около шести часов утра сводный отряд матросов Гвардейского экипажа и солдат Кексгольмского полка вошел на территорию Государственного банка. Солдаты Семеновского полка, охранявшие банк, заявили, что они тоже стоят за ВРК, за революцию. По настоятельной просьбе семеновцев их оставили на карауле вместе с прибывшим сводным отрядом. Другой отряд матросов занял военный порт и Главное Адмиралтейство, где был арестован морской штаб, а отряд солдат Кексгольмского полка — военное министерство. Под утро красногвардейцы совместно с матросами «Авроры» и Гвардейского экипажа очистили от офицеров военную гостиницу «Астория».

Успешно продолжалось разоружение юнкерских училищ. Николаевское военно-инженерное училище заняли красногвардейцы Выборгского района и Сестрорецкого завода; Михайловское артиллерийское — красногвардейцы Металлического завода и завода Розенкранца; Владимирское — красногвардейцы Трубочного завода и матросы; юнкеров Константиновского артиллерийского училища разоружили красногвардейцы Выборгского и Василеостровского районов.

Так быстро, один за другим, Временное правительство теряло свои опорные пункты.

Иногда же они ликвидировались даже без всякого

вмешательства революционных войск. Так, управление милиции на Гороховой улице (теперь улица Дзержинского) опустело и замерло само по себе: милиционеры разошлись по домам, комиссары районных отделений милиции перестали появляться, на телефонные звонки никто не отвечал. Последним ушел начальник управления, потерявший всякую надежду на успех в борьбе. Февральская революция началась с разгрома полицейских участков. А теперь даже никто не пришел арестовать начальника милиции. Так насквозь прогнившее рушилось и падало.

Волны народного восстания все более приближались к Зимнему дворцу. Там, во дворце, доживало последние часы Временное правительство. Донесения, одно безотраднее другого, приводили в уныние и отчаяние его главу Керенского. Около двух часов ночи ему доложили, что на Миллионной улице (теперь улица Халтурина) арестованы министры Прокопович и Карташов.

Что же делать? Ведь так могут арестовать и других министров. Восставшие вот-вот подступят к Зимнему дворцу и захватят все правительство.

Надежды на поддержку столичного гарнизона окончательно рухнули. Разве только войска действующей армии, если их срочно перебросить с фронта в Петроград, могут спасти положение!

Генерал Левицкий, по распоряжению Керенского, передал по прямому проводу генералу Духонину, начальнику штаба верховного главнокомандующего, две телеграммы Керенского с требованием немедленно выслать войска с фронта в Петроград — по железной дороге или походным маршем, если первый вариант не удастся.

Духонин заверил, что войска уже спешат на помощь Временному правительству. Однако в это уже не

верилось. В пять часов утра Керенский вызвал генерала Маниковского, управлявшего военным министерством. Но Маниковский не явился: по дороге в Зимний дворец он был задержан патрулем павловцев.

Положение Зимнего дворца становилось угрожающим. Надо было укреплять подступы к нему. Юнкера начали строить баррикады на площади у Александровской колонны и у входов во дворец. Однако оборона Зимнего от превосходящих революционных сил затруднялась: не хватало продовольствия для его защитников. Ведь во дворец сбежалось около двух тысяч человек, а о продовольственных запасах заблаговременно не позаботились.

Керенский, не раздеваясь, в отчаянии бросился на оттоманку, стоявшую в его кабинете, и попытался забыться. Очнулся лишь после того, как в кабинет вошел фельдъегерь и доложил, что восставшие захватили телефонную станцию. А в штабе округа Керенскому сообщили, что ночью «исчезли» магнето у транспортных и блиндированных автомашин, эшелоны же войск, брошенных на помощь Временному правительству, застряли где-то у Гатчины.

Итак, было ясно, что оборону дворца можно держать очень недолго. Здесь имелись лишь разрозненные отряды юнкеров, казаков, студентов, а также женский ударный батальон — всего не более двух тысяч человек, к тому же панически настроенных, сознававших свое бессилие и обреченность. Разве можно такими силами сдержать напор многих десятков тысяч красногвардейцев, матросов и солдат, бесстрашных, готовых на любые жертвы в борьбе за власть? Нет, оставаться под «охраной» юнкеров и женщин было опасно. Ведь смешно рассчитывать, что «ударницы» смогут отразить сокрушительный удар восставшей столицы.

Перетрусивший Керенский принял решение немедленно покинуть Зимний дворец и выехать в Гатчину навстречу столь желанным войскам. Спасаясь от неизбежного ареста, Керенский рассчитывал устранить все помехи в Гатчине и возвратиться в столицу во главе преданных ему войск.

О своем отъезде Керенский объявил на экстренно созванном совещании министров. Свои полномочия министра-председателя он передал Коновалову.

Около десяти часов утра командующий военным округом Полковников приказал прапорщику Книршу достать для Керенского автомобиль в каком-либо иностранном посольстве. Секретарь посольства США Уэйтгауз охотно предоставил свою машину. На ней-то, под американским флагом, и выехал Керенский. Лишь прикрывшись этим флагом, он смог проскочить мимо красногвардейских патрулей, сквозь Московскую заставу. Революционные войска и не подозревали, что в машине с американским флагом мчался с головокружительной быстротой сам Керенский...

ПРОВОЗГЛАШЕНИЕ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Утром 25 октября в Смольном В. И. Ленин писал от имени Военно-революционного комитета историческое воззвание о переходе власти к Советам. Владимир Ильич писал быстро: нельзя было терять ни минуты. Писал сжато, кратко. Иногда перечеркивал написанное и вновь писал.

Но вот воззвание готово. Его немедленно отвезли в типографию. Вскоре по улицам столицы уже мчались автомобили; из них пачками разбрасывались листовки.

Люди ловили их на лету, подбирали с мостовых и тротуаров, с волнением читали:

«К гражданам России!

Временное правительство низложено. Государственная власть перешла в руки органа Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов — Военно-революционного комитета, стоящего во главе петроградского пролетариата и гарнизона.

Дело, за которое боролся народ: немедленное предложение демократического мира, отмена помещичьей собственности на землю, рабочий контроль над производством, создание Советского правительства, это дело обеспечено.

Да здравствует революция рабочих, солдат и крестьян!

Военно-революционный комитет
при Петроградском Совете рабочих
и солдатских депутатов

25-го октября 1917 г. 10 ч. утра».

Скоро о воззвании узнала вся страна. Оно передавалось по телеграфу, повсюду перепечатывалось в местных газетах.

Итак, правительство капиталистов и помещиков свергнуто. Его глава трусливо сбежал. Но в Зимнем дворце еще укрывались остальные министры. Нужно было немедля взять дворец штурмом, арестовать министров. В другом дворце — Мариинском — продолжал собираться Предпарламент, пытаясь говорить от имени всего народа. Нужно было ликвидировать и это гнездо контрреволюции.

Лучшие отряды Красной гвардии, матросы флотских экипажей и наиболее революционно настроенные солдаты гвардейских полков — Кексгольмского,

Павловского, Петроградского, Измайловского и Егерского оцепили район обоих дворцов, соорудили баррикады.

Делалось все это спокойно, бесшумно, неприметно. До последнего момента здесь свободно ходили трамваи.

К двенадцати часам дня революционные войска вплотную окружили Мариинский дворец и прекратили доступ в него даже членам Предпарламента. А те, кто были уже во дворце, все более волновались. До них доходили удручающие вести об успехах революционных войск. В разных помещениях дворца шли летучие совещания партийных фракций Предпарламента.

Но вот во дворец вошли вооруженные солдаты. Они выстроились вдоль главной, парадной лестницы. У входов и выходов расставлены усиленные караулы. Через Авксентьева, председателя Предпарламента, всем его членам предложили покинуть дворец.

Багровый от возмущения, Авксентьев обошел помещения фракций, созывая членов совета старейшин на экстренное заседание. Совет старейшин постановил вынести протест против «насилия» и возобновить работу Предпарламента при первой возможности в ближайшее время.

Предпарламент быстро, почти без прений утвердил постановление совета старейшин. Заседание закрыли и разошлись.

Один за другим между шпалерами выстроившихся войск выходили из дворца члены Предпарламента.

Некоторые из них просили предоставить им автомобиль, чтобы добраться домой. Но им с насмешкой отвечали:

— Не велики господа — пешком дойдете. Полезно для аппетита...

Предпарламент закрыт. Из его роскошных апартаментов революционные солдаты вышвырнули навсегда ставленников буржуазии и контрреволюции...

Между тем в Смольном, в его белом двухсветном, высоком зале, стали собираться члены Петроградского Совета.

Прежде, во времена Института благородных девиц, в этом зале устраивались торжественные, пышные балы с участием именитой дворянской знати. А теперь зал заполнили рабочие и солдатские депутаты, чтобы произнести окончательный приговор этой знати и провозгласить новую, рабоче-крестьянскую власть.

Вместе с членами Петроградского Совета сюда спешили делегаты II Всероссийского съезда Советов, простые рабочие, солдаты, матросы — все, кто смог получить пропуск на историческое заседание Петроградского Совета. Оно началось в 2 часа 35 минут.

Шумными аплодисментами встретил зал сообщение об успешном ходе вооруженного восстания. Вдруг эти аплодисменты превратились в громовую овацию. Раздались радостные, приветственные возгласы. Все поднялись с мест и устремили взоры в одну сторону. По центральному проходу, приветливо улыбаясь, пожимая руки партийным друзьям и товарищам, шел Ленин. Это было первое открытое появление В. И. Ленина после июльских дней. К нему, как к магниту, потянулся весь зал.

Овация утихла лишь после того, как Владимир Ильич занял место в президиуме. Когда же В. И. Ленину было предоставлено слово для доклада, ликующая овация вспыхнула с новой силой. Несколько минут под высокими сводами зала гремели раскаты рукоплесканий и возгласов.

Владимир Ильич сначала терпеливо выжидал на трибуне, пока они смолкнут, смущенно улыбался. За-

тем, явно недовольный, нахмурился, недоуменно поглядывал на президиум, пожимал плечами, протестующе махал руками. Председатель пытался успокоить людей, но тщетно. Владимир Ильич зажал уши ладонями — только тогда смирился разбушевавшийся зал, гул приветствий стал затихать.

Как добрая, желанная весть, прозвучали первые слова великого вождя:

— Товарищи! Рабочая и крестьянская революция, о необходимости которой все время говорили большевики, совершилась!

Свой краткий доклад В. И. Ленин закончил под бурные аплодисменты. И вместе со всем залом теперь рукоплескал вождь партии...

ШТУРМ ЗИМНЕГО ДВОРЦА

После захвата Мариинского дворца вооруженная борьба перенеслась непосредственно в район Зимнего — последнего, самого важного оплота Временного правительства.

Там после бегства Керенского разложение все шире распространялось среди контрреволюционных войск.

Желая «водворить порядок», Временное правительство решило назначить особого уполномоченного по защите Петрограда и Зимнего дворца. Выбор пал на министра Кишкина — члена монархической партии кадетов. Его наделили диктаторскими правами с подчинением ему всех военных и гражданских властей.

Кандидатуру Кишкина в диктаторы охотно поддержали эсеро-меньшевистские министры. Готовя кровавую расправу над восставшим народом, они трусливо пытались спрятаться за спиной капиталиста-кадета

Кишкина, его руками задушить пролетарскую революцию. В случае же неудачи министры-«социалисты» могли бы свалить вину за кровавую бойню на кадетов. И в этом еще раз проявилась подлость политики соглашательских партий.

Своими ближайшими помощниками диктатор Кишкин назначил инженеров Пальчинского и Рутенберга.

Новоиспеченный диктатор прежде всего отстранил Полковникова, не оправдавшего доверия. А вместо него на пост командующего военным округом был назначен генерал Багратуни.

Но ни сам Кишкин, ни его подручные Пальчинский и Рутенберг, ни новоявленный командующий уже несуществующим округом Багратуни не смогли укрепить оборону, поднять боевой дух защитников Временного правительства. В их среде исчезли последние остатки воинской дисциплины, усилились панические, пораженческие настроения. Многие из рядовых солдат и казаков были настолько ненадежны, что их приходилось загонять в дворцовые комнаты и держать под замком.

Все это еще более удручало министров. Обреченные, они в злобном бессилии то бродили по дворцу, как в огромной мышеловке, тщетно пытаясь найти спасительную лазейку из нее, то собирались в Малахитовом зале — зале заседаний, не зная, что предпринять.

Вооруженные силы Военно-революционного комитета неудержимо приближались к Зимнему дворцу. Около четырех часов дня в районе оцепления появились броневики ВРК. Через час от Большой Морской улицы, Исаакиевской площади и по Адмиралтейской набережной к Зимнему устремились большие отряды матросов с броневиками. Трамвайное движение в центре города было прекращено.

Одновременно с накоплением вооруженных сил против Зимнего дворца редели ряды его защитников. Среди них находилась часть юнкеров Михайловского артиллерийского училища во главе с комиссаром Временного правительства К. Акашевым, который втайне сочувствовал восставшим. Он решил вывести из Зимнего своих юнкеров. Пробравшись во дворец, Акашев заверил офицеров, командовавших михайловцами, что весь гарнизон подчиняется лишь приказам ВРК, что сопротивление бесполезно, что и им следует перейти на сторону восставших.

Так и поступили. Около шести часов вечера юнкера, прихватив с собой четыре орудия, верхом на лошадях стали выезжать на Дворцовую площадь, а затем через арку рысью направились по Большой Морской улице. Здесь их задержали революционные войска. Юнкеров с двумя орудиями отправили в казармы Павловского полка; два других орудия были установлены на Невском проспекте, на мосту через Мойку и нацелены на Зимний дворец.

В вечерних сумерках цепи революционных войск придвинулись вплотную к Дворцовой площади и становились все гуще. Красногвардейцы, матросы и солдаты подползали к ней со всех сторон, перебежкой, шаг за шагом занимали улицы и проезды, исходные для штурма Зимнего дворца. В седьмом часу вечера все проходы на Дворцовую площадь были заняты войсками ВРК. Дворец оказался зажатым в плотном кольце осаждавших.

И все же, несмотря на огромный перевес революционных сил, штурмовать Зимний дворец было нелегко. Здание дворца и его местоположение весьма благоприятствовали обороне и, наоборот, очень затрудняли штурм.

Зимний дворец — громадное трехэтажное (не считая подвала) здание, почти в двести метров длины и сто шестьдесят метров ширины. Вместе с примыкавшими к нему Эрмитажем и Эрмитажным театром он занимал около девяти гектаров. Во дворце свыше тысячи комнат и залов. Пользуясь многочисленными внутренними переходами, осажденные могли быстро и незаметно сосредоточивать свои силы то в одном, то в другом месте, могли предпринимать неожиданные вылазки.

Извне дворец с севера и востока прикрывала водная преграда — Нева и Зимняя канавка. С юга простиралась Дворцовая площадь, ограниченная с одной стороны громадой Зимнего дворца, а с другой — полукружием зданий Главного штаба.

Большая, ровная, открытая площадь. Всякий, кто осмелится выйти на нее, может стать легкой мишенью для юнкеров и «ударниц». Единственным прикрытием на площади были дровяные баррикады да двадцатипятиметровая гранитная Александровская колонна, на вершине которой — ангел, попирающий гидру революции. Но и эти прикрытия в руках юнкеров.

По плану, разработанному полевым штабом Военно-революционного комитета, предполагалось сначала предъявить Временному правительству ультиматум о добровольной сдаче Зимнего дворца и лишь в случае отказа штурмовать его. Сигналом к штурму должна послужить вспышка выстрела с крейсера «Аврора». Боевые операции штурмовой пехоты должна поддержать артиллерия Петропавловской крепости и военных кораблей, стоявших на Неве.

Однако выполнение плана натолкнулось на неожиданные препятствия. Не была подготовлена в срок артиллерия. На парапетах крепости стояло около десятка

старых пушек. Лишь одна из них, «вестовая», ежедневно палила, возвещая полдень. Непригодным к боевой стрельбе оказалось и большинство орудий, которые хранились в арсенале. Лишь несколько трехдюймовых пушек оказались исправными. Но втащить их на крепостные стены не смогли, так как не было нужных механизмов. Стрелять же из-за стены тоже было нельзя. Зимний дворец находился вблизи, и потому обстреливать его можно было только прямой наводкой. Пришлось вытащить орудия за крепостную стену, на берег Невы.

Стали подбирать наиболее надежных артиллеристов. Но уполномоченные солдат крепостной артиллерии заявили, что они решили держать нейтралитет, и отказались участвовать в борьбе.

Комиссар крепости Благонравов немедленно созвал артиллеристов на митинг. Некоторых из них удалось уговорить. Они отправились к орудиям, но вскоре заявили, что стрелять отказываются, так как опасно: в компрессорах нет масла и при первом залпе орудия могут взорваться. К тому же у орудий не было ни панорам, ни снарядов нужного калибра.

Такое поведение команды крепостной артиллерии вызывало подозрения. Пришлось обратиться за содействием в Смольный. По распоряжению Свердлова в Петропавловскую крепость направили опытных и вполне надежных комендоров с морского полигона. Они быстро подготовили орудия к стрельбе.

Все эти неполадки задержали начало штурма. Его сроки переносились с двенадцати часов на три часа дня, а затем на шесть часов вечера.

Военно-революционный комитет всячески стремился избежать напрасных жертв. Казалось, при гигантском перевесе революционных сил Временное правительство

должно сложить оружие без дальнейшего сопротивления. В шесть часов вечера ВРК предъявил Временному правительству ультиматум о добровольной сдаче Зимнего дворца в течение двадцати минут.

С этим ультиматумом в штаб военного округа отправились солдаты самокатного батальона В. Фролов и А. Галанин. В это время в штабе находились Кишкин, Багратуни, Рутенберг, Пальчинский. Ультиматум ошеломил их. Не зная, как на него ответить, они отправились в Зимний дворец на совещание с Временным правительством.

Двадцать минут истекли, а совещание затянулось. По просьбе штаба округа была дана отсрочка еще на десять минут.

Прошли и эти минуты. Временное правительство решило не принимать ультиматум, оставить его без ответа. Оно еще надеялось на помощь Ставки, с которой продолжало держать связь по засекреченному телеграфу. Он остался случайно. Солдаты Кексгольмского полка, захватившие военное министерство, не знали о существовании телеграфа. Притаившийся на чердаке офицер продолжал передавать по телеграфу все распоряжения Временного правительства и принимал ответные телеграммы.

В седьмом часу вечера Ставка по телеграфу заверила Временное правительство, что к нему на помощь двигаются надежные войска.

Не получив ответа на ультиматум, полевой штаб ВРК приказал открыть боевые действия. Затрещали пулеметы. Революционные войска, стоявшие вблизи штаба округа, ворвались в его здание, разоружили и арестовали всех, кто там находился.

Другой отряд красногвардейцев и матросов проник через Эрмитаж в Зимний дворец. Блуждая в лаби-

ринте его апартаментов, они натолкнулись на усиленную охрану из юнкеров. В неравной схватке, в незнакомой обстановке красногвардейцам и матросам пришлось отступить. Некоторых из них юнкера задержали, остальные, при содействии дворцовой прислуги, успели выбраться.

Захват штаба округа и проникновение революционных войск во дворец еще более деморализовали сторонников Временного правительства. Перебравшись из штаба в Зимний дворец, генерал Багратуни заявил, что он отказывается далее нести обязанности командующего округом. Генералу предложили удалиться. При выходе из дворца Багратуни был арестован бойцами ВРК.

Около семи часов вечера в расположении революционных войск появился парламентер. Он сообщил, что три казачьи сотни решили покинуть дворец, осознав, что они обмануты. При этом казаки просили не позорить их, не лишать оружия. Просьбу казаков обещали выполнить. Они вышли на Дворцовую набережную. Поджидавший там броневик проводил их до казарм.

Еще надеясь на благоразумие осажденных, стремясь к мирному, бескровному исходу борьбы, Военно-революционный комитет в восемь часов вечера вторично предъявил Временному правительству ультиматум — сдаться в течение десяти минут. Парламентером в Зимний дворец на этот раз отправили члена ВРК Чудновского.

Срок второго ультиматума тоже истек. Сигнала же к штурму все еще не было.

Это раздражало солдат. Они рвались в бой, роптали, требовали у своих комиссаров объяснения, почему нет приказа о наступлении. Еще утром объявлено

о свержении Временного правительства, а его министры до сих пор укрываются во дворце.

Многие из солдат выражали недовольство также и тем, что к осаде и штурму дворца привлекли красногвардейцев:

— Мы сами, без них, управимся с бабьем да безусыми юнкеришками...

— Рабочие — люди невоенные, могут помешать делу. Пусть будут в резерве.

— А вместо этого, их продвинули вперед, на передовую линию.

— Может быть, нам не доверяют?..

Но таких солдат успокаивали:

— На передовой не только они, красногвардейцы. Много и наших...

— Без рабочих нельзя...

— Вестимо, наше общее дело.

— Там, в нашем штабу, виднее — кого куда...

Задержка с захватом дворца очень волновала и В. И. Ленина. Вот-вот откроется II Всероссийский съезд Советов. Он должен окончательно решить вопрос о власти. Между тем Зимний дворец еще не взят, Временное правительство не арестовано. Срывался ленинский замысел — поставить съезд перед фактом уже совершившегося переворота. К тому же, несмотря на крепкую оборону столицы, в город может проскочить какая-нибудь контрреволюционная воинская часть, ударить в спину революции и затруднить ликвидацию Временного правительства.

В. И. Ленин был убежден, что жалкие кучки осажденных во дворце не смогут оказать серьезного сопротивления.

— Почему так долго? — возмущался Владимир Ильич.— Что делают наши военачальники? Затеяли

настоящую войну! Зачем это? Окружение, переброски, цепи, перебежки, развертывание... Разве это война с достойным противником? Быстрей! В атаку! Хороший отряд матросов, роту пехоты — и все там!

Вечером В. И. Ленин отослал несколько записок в полевой штаб ВРК, требуя немедленно начать штурм. Тон этих записок становился все более настойчивым и суровым. Владимир Ильич грозил предать членов штаба партийному суду. Под воздействием этих ленинских записок полевой штаб ВРК приказал революционным войскам перейти в решительное наступление. Зимний дворец упорствовал, не сдавался. Значит, пора брать его штурмом...

Как бы в ожидании небывалого, волновалась Нева. Проносясь по ее свинцовой поверхности, ветер взрыхлял на ней лихорадочную зыбь.

На крейсере «Аврора» все приготовлено к обстрелу. С нараставшим нетерпением ожидали сигнала с Петропавловской крепости. К ней устремлены взоры командиров и матросов. Сквозь сгустившуюся мглу еле различимо вырисовывались очертания крепостной громады. Напряженно следили за движением часовых стрелок. Вот они показали десять часов сорок минут.

В этот момент прогремели два холостых орудийных выстрела: первый из крепости, а затем вслед за ним с крейсера «Аврора» канонир Е. П. Огнев произвел второй холостой выстрел из шестидюймового орудия.

От ярких вспышек орудийных выстрелов на миг озарились Нева и ее набережные. Громовый гул прокатился над Зимним дворцом, над Дворцовой площадью. И с этим гулом слились частые винтовочные выстрелы, беспрерывный перестук пулеметных очередей, оглушительные разрывы гранат, тысячеголосое «ура!». То ожила и вдруг загрохотала широкая округа

у дворца, притихшая перед этим на время, в ожидании боевого сигнала.

Красногвардейцы, солдаты, матросы, пригибаясь, стреляя на ходу, ринулись к дворцу через площадь. Дождь, моросивший весь день с утра до вечера, теперь прекратился. Но после него всюду остались грязные лужи. Перескакивая через них, бойцы бросались в атаку. Им навстречу хлынул ливень смертоносных пуль из-за штабелей дров на площади, из дворцовых окон, с крыши. Пробежав несколько шагов, цепи наступавших возвращались на исходные позиции.

Перед революционными бойцами опять лежала огромная, пустынная площадь, смертельно угрожавшая. Они знали, что всякий, кто рискнет ступить на нее, может тут же рухнуть и распластаться, пронзенный пулей. Но это их не страшило. Бойцы не унывали, не теряли надежды прорваться к дворцу. Посматривая на Александровскую колонну с фигурой ангела наверху, они шутили:

— Нам бы только добраться до ангела! Тогда легче будет. Тогда не миновать царскому дворцу нашего красного флага...

И они вновь бросались в атаку.

Бой разгорался и ожесточался. По узорчатым стенам дворцового фасада все чаще щелкали пули. Крошилась штукатурка. Со звоном осыпалось стекло в окнах. Все явственнее доносились раскатистые звуки сражения.

Спасаясь от пуль, министры перешли из Малахитового зала в небольшую смежную комнату с окнами во внутренний двор. Но и там их подстерегала смертельная опасность. Рядом с ними вдруг разорвалась бомба. Но осколки не коснулись министров. Лишь одного юнкера слегка контузило. Это еще более перепугало осаж-

денных. Многим стало очевидно, что Зимний дворец превращался в могилу, в склеп керенщины, из которого надо как можно скорее выходить.

Около десяти часов вечера свыше ста бойцов «ударного» женского батальона выбросили белый флаг и сдались. Их поместили в изолированной казарме Гренадерского полка, поставив у дверей надежный караул из красногвардейцев.

«Ударницы» производили жалкое впечатление. Многие истерически плакали.

— Эх, не нужно бы вам воевать! — упрекали их солдаты.

— Да разве мы знали,— оправдывались женщины.— Нас обманом завлекли на Дворцовую площадь. Мы получили приказ явиться туда на парад, а вместо этого нас заставили защищать Временное правительство...

Вместе с «ударницами» из дворца ушла большая группа юнкеров.

В одиннадцатом часу вечера бой немного затих. Наступила передышка. Но вскоре сражение возобновилось. Опять зачастили винтовочные выстрелы, затрещали пулеметы. Установив пулемет на ограде Александровского сада, путиловцы-красногвардейцы обстреливали дворец фланговым огнем.

С Петропавловской крепости гремели орудийные выстрелы.

Из-под арки Главного штаба прямой наводкой по дворцу били из пушки. Один из снарядов врезался в карниз над главными воротами дворца.

Штурмовые отряды подступали все ближе к Зимнему дворцу. Под их напором смолкли баррикады у Александровской колонны. Юнкера бежали, оставив груды винтовок. Вот волна штурмовавших прорвала во-

рота, хлынула во двор и через внутренние ходы затопила Зимний. Победные крики «ура!», тяжелый топот тысяч ног гулко разносились под высокими дворцовыми сводами, в роскошных залах и комнатах, где десятилетиями царила парадная тишина.

Люди темных рабочих лачуг и мрачных солдатских казарм стремительно вбегали во дворец, и перед ними открывалась невиданная красота и роскошь. Всюду живописные плафоны, лепные потолки, хрустальные люстры, разноцветный мрамор, скульптурные изваяния, яркие картины, сверкающие зеркала, пышные ковры.

Раздавались суровые окрики:

— Товарищи! Не берите ничего! Это — народное достояние.

Офицеры, юнкера, казаки, «ударницы» покорно сдавались, поднимая руки вверх. У них отбирали винтовки, в карманах находили не только револьверы, но и награбленное добро — золото, драгоценные камни, антикварные вещи. Сопротивление ослабевало. Около двух часов ночи во дворец вошел особый отряд красногвардейцев и матросов во главе с членами Военно-революционного комитета Антоновым-Овсеенко и Чудновским, чтобы арестовать министров.

— Именем Военно-революционного комитета объявляю вас арестованными,— провозгласил Антонов-Овсеенко.

— Члены Временного правительства подчиняются насилию и сдаются, чтобы избежать кровопролития,— промолвил Коновалов.

— Чтобы избежать кровопролития! А сами сколько крови пролили,— негодовали бойцы.

Министры стояли угрюмые, побледневшие, в ожидании своей участи. Один за другим они по вызову понуро подходили к столу, выкладывали на него свои

документы, револьверы, а затем также уныло возвращались на свои места.

Чудновский составлял список арестованных. Их оказалось девятнадцать: пятнадцать членов Временного правительства, Пальчинский, Рутенберг, генерал по особым поручениям Борисов и штабной офицер Чистяков.

Когда выяснилось, что среди арестованных нет Керенского, бойцы зароптали:

— Сбежал Керенский — сбегут и эти...

— Чего списки составлять... Приколоть министров!

— Попили нашей кровушки.

Пришлось вмешаться Антонову-Овсеенко:

— Товарищи, спокойно! Все члены Временного правительства арестованы. Они будут заключены в Петропавловской крепости, а потом преданы революционному суду...

Тут же были отобраны для конвоя самые дисциплинированные красногвардейцы и матросы. К каждому арестованному приставили по три конвойных: один шел впереди, а двое — по бокам.

Вышли во двор, затем через площадь на Миллионную улицу, а оттуда свернули на набережную, к Троицкому мосту. Семеня ногами, арестованные еле поспевали за конвойными, пугливо озираясь по сторонам.

Через несколько минут они были в Петропавловской крепости. Здесь, в маленьком зале гарнизонного клуба, арестованных усадили на простых скамейках.

Антонов-Овсеенко кратко допросил их и составил протокол. После этого министров развели по камерам Трубецкого бастиона.

В одной из них поместили Коновалова. Матрос, стоявший на карауле у дверей этой камеры, присмотревшись к заключенному, признал его:

— Мы с вами знакомы, господин Коновалов.

— Откуда вы меня знаете?

— Я — ваш бывший рабочий...

Коновалов побледнел. Он вспомнил, как был жесток с рабочими и как они ненавидели его.

— Не бойтесь! — успокоил матрос.— Мы не такие мерзавцы, как ваши друзья-кровопийцы.

Министр с облегчением почувствовал, что от матроса обиды не будет. Осмелев, попросил:

— А нет ли у вас покурить?

— Есть, но я папирос не курю. А вот махоркой угостить могу.

— Вертеть не умею,— смущенно промолвил министр-фабрикант.

— Ладно уж, я сверну...

Матрос достал из кармана кисет с махоркой и бумагой, свернул козью ножку, лизнул языком и подал:

— Пожалуйста!

Министр начал благодарить матроса:

— Век не забуду... Никак не ожидал...

— Спасибо и вам,— с усмешкой ответил матрос.— И я не забуду, как гнул спину на вашей фабрике...

Свершилось великое событие. Зимний дворец взят революционными войсками, а министры Временного правительства заключены в казематы Петропавловской крепости.

Когда-то, в январский морозный день 1905 года, на Дворцовой площади по приказу царя были расстреляны толпы обманутых рабочих. Теперь у того же Зимнего дворца, на той же площади, рабочие, солдаты и матросы, обогащенные революционным опытом и умудренные большевистской правдой, проявили беспримерный героизм и одержали всемирно-историческую победу.

Эта победа была одержана ценою немногих жертв. И это потому, что Центральный Комитет большевистской партии и ее вождь В. И. Ленин блестяще подготовили и провели вооруженное восстание, заранее предусмотрев все для того, чтобы враг не смог оказать длительного и упорного сопротивления...

Велика была радость вождя партии, когда к нему явился самокатчик с донесением Подвойского о победе.

Самокатчик быстро отстегнул клапан у походной сумки, вынул из нее листок бумаги и бережно передал Ленину.

— Благодарю, товарищ! — сказал Владимир Ильич, протягивая самокатчику руку.

Тот, восторженно улыбаясь, крепко пожал ее. Затем, взяв под козырек и по-военному повернувшись кругом, бодрым шагом удалился.

«Зимний дворец взят. Временное правительство арестовано»,— читал Владимир Ильич вслух товарищам, находившимся вместе с ним в комнате Военно-революционного комитета.

Весть о победе вызвала у всех ликование. Раздалось «ура!», дружно подхваченное красногвардейцами во всех комнатах Смольного...

— Туда, к массам! — проговорил радостно возбужденный В. И. Ленин.

Вслед за ним тронулись и остальные.

Владимир Ильич был снова в парике. Приходилось пока соблюдать осторожность.

В. Д. Бонч-Бруевич, шедший с ним рядом, посоветовал:

— Снимите парик, Владимир Ильич!

— Давайте спрячу,— предложил Бонч-Бруевич, принимая парик.— Может, еще пригодится... Почем знать?

— Ну, положим,— возразил Владимир Ильич и, хитровато подмигнув, пояснил: — Мы власть берем всерьез и надолго...

Вошли в большую комнату, переполненную рабочими, солдатами, матросами, служащими Смольного. Они собрались на митинг по случаю победы.

На трибуну поднялся В. И. Ленин. Его встретили взрывом восторженных рукоплесканий и возгласов:

— Ленин!

— Ура!..

Долго не смолкала овация. А когда она стихла, Владимир Ильич поздравил всех с победой пролетарской социалистической революции...

За ярко освещенными окнами Смольного все еще чернела осенняя ночь. Оттуда, с улиц и площадей столицы, еще доносились одиночные вражеские выстрелы. Но, постепенно удаляясь, они звучали все глуше и реже.

Хмурая, ненастная ночь была на исходе.

Ей на смену наступал первый день новой жизни победившего народа...

СОДЕРЖАНИЕ

«Промедление смерти подобно»	1
Искусство восстания	10
Боевой штаб	14
Успешное начало	24
Паника во дворцах	31
Ленин в Смольном	38
Бегство Керенского	45
Провозглашение Советской власти	52
Штурм Зимнего дворца	56

Березов Павел Иванович.

ЗАЛП «АВРОРЫ». Изд. 2-е. доп. М., Политиздат, 1967.

72 с. с илл.

9(С)21

Редактор *Н. Гудкова*

Художник *В. Макеев*
Художественный редактор *С. Сергеев*
Технический редактор *А. Данилина*

Сдано в набор 13 августа 1966 г Подписано в печать 17 сентября 1966 г. Формат 70×108$^1/_{32}$. Физ печ. л. 2$^1/_4$ + вкл. $^1/_8$. Условн печ. л. 3,325. Учетно-изд. л. 3,29. Тираж 200 тыс. экз. А 16057 Заказ № 4281. Бумага № 1. Цена 12 коп.

Политиздат, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Типография «Красный пролетарий» Политиздата.
Москва, Краснопролетарская, 16.



Дом на набережной реки Карповки, где проходило заседание ЦК РСДРП(б) 10 октября 1917 года



Временное правительство
Худ. Кукрыниксы

Осада Зимнего дворца в Петрограде



12 коп.

